

Научный электронный журнал «Сфера науки»

2026. Том 1. №6.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №6
Июнь 2026 г.

Краснодар, 2026

Содержание

Гражданское право	4
ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ И КРИПТОВАЛЮТ: ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ И ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ	4
Гамаюнова Татьяна Андреевна Мхитарян Софи Гарегиновна	
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СМАРТ- КОНТРАКТОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНОГО ПРАВА	18
Щукина Дарья Олеговна	
Гражданско-процессуальное право	27
ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА: ТРЕБОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА И НОВЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ	27
Агафонов Дмитрий Алексеевич	
Земельное право	35
ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗЕМЕЛЬ И ПЕРЕРАБОТКЕ ОТХОДОВ	35
Багомедова Мадина Абдулкадыровна	
Налоговое право	42
ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 2024- 2026 ГОДОВ В ПРИМЕНЕНИИ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ СТОИМОСТЬ ПРИ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ	42
Чистякова Ксения Вячеславовна	
Семейное право	51
ЛИШЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	51
Аниканова Анастасия Олеговна	
Уголовное право	58
ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ	58
Грехова Кристина Ярославовна	
ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОРУДИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВМЕНЕНИЯ И СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ	70
Козина Оксана Александровна Соколова Елена Александровна	

КРИПТОВАЛЮТНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ
И ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ 82

Козина Оксана Александровна

Бражникова Анастасия Александровна

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С
БАНКОВСКОГО СЧЁТА, СОВЕРШЁННОЙ ПУТЁМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ 94

Степанец Александр Павлович

Уголовно-процессуальное право 102

НАРУШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОСТРАДАВШИХ ОТ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ ПРОВЕРОК СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ
В ПОРЯДКЕ СТ. 144 УПК РФ 102

Фалько Александр Андреевич

Финансовое право 110

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ, ЕГО ОСОБЕННОСТИ И
НЕДОСТАТКИ 110

Горбачев Андрей Владиславович

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.2

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ЦИФРОВЫХ АКТИВОВ И КРИПТОВАЛЮТ: ВОПРОСЫ НАСЛЕДОВАНИЯ И ОБРАЩЕНИЯ ВЗЫСКАНИЯ

Гамаюнова Татьяна Андреевна,

студентка юридического факультета

Владимирского филиала РАНХиГС,

г. Владимир, Россия,

gamaunova.2110@gmail.com

Мхитарян Софи Гарегиновна,

студент юридического факультета

Владимирского филиала РАНХиГС,

г. Владимир, Россия,

mkhitaryansofi5@gmail.com

Научный руководитель:

Лачина Елена Анатольевна,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,

канд. юрид. наук, доцент,

г. Владимир, Россия,

lana-lachina@mail.ru

Аннотация: Анализ Федерального закона № 259-ФЗ и судебной практики 2024–2026 годов выявил отсутствие процедурного механизма доступа нотариусов и судебных приставов к закрытым ключам и криптокошелькам. В отличие от MiCA (ЕС) и законов штатов США, принявших RUFADAA, российское законодательство не регламентирует идентификацию владельца

децентрализованных активов. Предлагается внести изменения в ФЗ «Об исполнительном производстве» (ч. 4 ст. 68, ч. 3 ст. 69) и ввести в ГК РФ понятие «нотариального доступа» к цифровым следам наследодателя.

Ключевые слова: закрытый ключ, исполнительное производство, криптовалюта, наследование, обращение взыскания, цифровые активы, MiCA, RUFADAA.

LEGAL REGIME OF DIGITAL ASSETS AND CRYPTOCURRENCIES: ISSUES OF INHERITANCE AND FORECLOSURE

Gamayunova Tatyana Andreevna,

student of the Faculty of Law,
Vladimir branch of RANEPА,
Vladimir, Russia,

gamaunova.2110@gmail.com

Mkhitaryan Sofi Gareginovna,

student of the Faculty of Law,
Vladimir branch of RANEPА,
Vladimir, Russia,

mkhitaryansofi5@gmail.com

Supervisor:

Lachina Elena Anatolyevna,

Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines,
Candidate of Law, Associate Professor,
The city of Vladimir, Russia,

[lena-lachina@mail.ru](mailto:lana-lachina@mail.ru)

Abstract: An analysis of Federal Law No. 259-FZ and judicial practice from 2024 to 2026 revealed the absence of a procedural mechanism for notaries and bailiffs to access private keys and cryptocurrency wallets. Unlike MiCA (EU) and the laws of US states

that have adopted RUFADAA, Russian legislation does not regulate the identification of the owner of decentralized assets. It is proposed to amend the Federal Law "On Enforcement Proceedings" (Part 4, Article 68, Part 3, Article 69) and introduce the concept of "notarial access" to the testator's digital traces into the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: private key, enforcement proceedings, cryptocurrency, inheritance, foreclosure, digital assets, MiCA, RUFADAA.

Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 15.12.2025) ввел понятие цифровой валюты как совокупности электронных данных, предлагаемых и принимаемых в качестве средства платежа или инвестиций, но при этом установил запрет на ее использование в качестве средства платежа в Российской Федерации (ч. 5 ст. 14) [15]. Однако сам по себе запрет на расчеты криптовалютой не выводит ее из числа объектов гражданских прав. Статья 128 Гражданского кодекса РФ относит к объектам гражданских прав вещи, иное имущество, в том числе имущественные права, и этот перечень не является исчерпывающим [4]. Судебная практика последовательно относит цифровую валюту к «иному имуществу» в смысле ст. 128 ГК РФ, что позволяет применять к ней общие правила об имущественных отношениях в принципе. Налоговый кодекс РФ с 1 января 2025 года также признал криптовалюту имуществом, что в теории открыло путь к наследованию цифровых активов наравне с любым другим имуществом [8].

Ключевое событие 2026 года — постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 года по делу Д.И. Тимченко. Суть спора: гражданин Тимченко купил 1000 USDT, передал их в управление для перепродажи на бирже, но управляющий актив не вернул. Суды отказали в иске об истребовании имущества из чужого незаконного владения, сославшись на то, что истец не

уведомил налоговый орган о владении цифровой валютой, как того требовал п. 6 ст. 14 Федерального закона № 259-ФЗ. Примечательно, что порядок такого уведомления на тот момент не был установлен. Конституционный Суд признал оспариваемую норму противоречащей Конституции, указав, что она «делает право на судебную защиту условным — его можно реализовать только после выполнения формального уведомления, порядок которого не установлен». Норма признана недействующей с момента принятия. В постановлении прямо указано, что цифровая валюта, несмотря на виртуальную форму, обладает экономической ценностью и оборотоспособностью и может рассматриваться как «иное имущество». Государство не вправе перекладывать на граждан негативные последствия правового пробела: если механизма информирования нет или он объективно неприменим, это не может служить основанием для отказа в рассмотрении иска [6].

Однако признание криптовалюты имуществом на уровне Конституционного Суда и Налогового кодекса не решает главной проблемы наследования. Нотариус может выдать свидетельство о праве на наследство, включающее криптовалюту, но без приватного ключа или сид-фразы это свидетельство не открывает доступа к кошельку. Доступ к децентрализованному кошельку определяется исключительно наличием приватного ключа или мнемонической фразы. Фидуциарный характер отношений с децентрализованными активами (доверие к владельцу ключа) не заменяется нотариальным актом. Обезличенные виртуальные кошельки не позволяют определить принадлежность денежных средств, что вызывает затруднения при передаче доступа к таким активам наследникам. В отличие от цифровых финансовых активов (ЦФА), где есть оператор информационной системы, обязанный внести изменения в записи на основании свидетельства о праве на наследство (ч. 2 ст. 259-ФЗ), для децентрализованной криптовалюты такого обязанного лица нет.

На практике нотариусы пытаются найти обходные пути. Один из них — принятие на хранение запечатанного конверта с паролями или флеш-ключа, содержащего коды доступа и пароли к криптокошельку, с последующей выдачей наследникам. По желанию владельца цифровых активов он может передать закрытые ключи или мнемоническую фразу нотариусу на хранение в запечатанном виде. Нотариус вскрывает депозитарий только после представления наследником свидетельства о праве на наследство. Этот механизм, однако, работает только при жизни наследодателя — если он не оставил ключей нотариусу, наследники оказываются перед закрытой дверью. Большинство владельцев криптовалют, как показывают опросы, не оформляют завещательных распоряжений в отношении цифровых активов. Эксперты советуют владельцам криптовалют заранее включать цифровые активы в завещание, чтобы нотариус мог зафиксировать волю наследодателя и передать данные для доступа к кошелькам в запечатанном виде.

Судебная практика по наследственным спорам на сегодняшний день остается противоречивой и немногочисленной. В одном случае суд отказал во включении биткоина в наследственную массу из-за невозможности идентификации владельца кошелька. В другом — наследница добилась включения криптовалюты в состав наследства, поскольку наследодатель пользовался услугами российской криптобиржи из реестра ЦБ РФ, и биржа предоставила выписку об остатках. В мотивировочной части этого решения суд указал: «Отсутствие централизованного оператора — главное процессуальное препятствие для наследования криптовалюты». Именно эта разница — централизованный (биржевой) или децентрализованный (некастодиальный) кошелек — определяет успех или провал требований наследников.

Исследователи выделяют институциональный разрыв: криптовалюта де-юре признается имуществом, но де-факто не может быть передана по наследству без доброй воли наследодателя [7]. Причина — не в отсутствии общего закона о криптовалюте, а в том, что базовые процессуальные институты (наследственное

правопреемство, нотариальное производство) не адаптированы к децентрализованной природе активов [9]. Владелец криптовалюты при жизни не обязан раскрывать никому свои ключи. Без ключа нотариальное свидетельство остаётся просто бумагой. Как отмечают эксперты, «юридическое признание не гарантирует автоматического доступа ваших близких к вашим активам» [10]. Следовательно, проблему наследования криптовалюты невозможно решить без изменения подходов к регулированию, без создания механизмов, позволяющих идентифицировать владельца децентрализованного кошелька и обеспечивающих принудительную передачу ключей в рамках наследственного производства.

Если в наследственных отношениях проблема носит цивилистический характер — разрыв между признанием имущества и доступом к нему, — то в исполнительном производстве ситуация усугубляется публично-правовым характером отношений. Государство в лице судебного пристава-исполнителя действует от имени власти, располагая арсеналом принудительных мер: арест, изъятие, реализация. Когда же объектом принуждения становится децентрализованная криптовалюта, почти все эти меры упираются в техническую невозможность их исполнения при сохранении формальной законности.

Федеральный закон от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» устанавливает общие правила обращения взыскания на имущество должника [14]. Статья 68 этого закона относит цифровую валюту к имуществу, на которое может быть обращено взыскание наравне с иными видами имущества [5]. Однако дальше общего признания дело не идёт. Порядок наложения ареста на криптокошелек законом не определён. В отличие от банковского счёта, где пристав направляет запрос в кредитную организацию и получает блокировку средств, для децентрализованного кошелька нет организации-посредника, обязанного исполнить постановление об аресте. Криптокошелек — это не физический объект, а программное обеспечение или

аппаратное устройство, хранящее приватные ключи, дающие доступ к криптовалюте в блокчейне. Сама криптовалюта существует не в кошельке, а в децентрализованной сети. Арест криптокошелька как такового в привычном понимании сталкивается с концептуальными трудностями.

Взыскание цифровых активов с некастодиальных кошельков осложняется тем, что доступ к этим кошелькам имеется только у самого должника. Обеспечить принудительное изъятие ЦФА без передачи ключа доступа к таким кошелькам не представляется возможным. Именно здесь проходит водораздел между тем, что закон называет имуществом, и тем, что правоприменитель может реально изъять. Статьи 80 и 82 Закона № 229-ФЗ, регламентирующие арест, рассчитаны на объекты, имеющие физического держателя или регистратора — банк, нотариуса, Росреестр. Криптовалюта, хранящаяся на аппаратном кошельке или в виде сид-фразы на бумажном носителе, не относится ни к одной из этих категорий. Пристав может наложить арест, но что именно он арестовывает — закрытый ключ, мнемоническую фразу, сам кошелек как устройство, или право требования к самому себе? Закон ответа не даёт.

Первое судебное решение о конфискации криптовалюты было вынесено ещё в 2021 году. Однако фактически оно до сих пор не исполнено. Стоимость этих активов с 2021 года выросла в разы, но государство, признанное собственником многомиллиардных активов, не может конвертировать их в рубли. Старший прокурор Главного уголовно-судебного управления Генпрокуратуры Мадина Долгиева прямо заявила в апреле 2026 года: «Недавние изменения в УК и УПК, признавшие цифровую валюту имуществом, стали фундаментальным, но половинчатым решением [13]. Мы получили правовую основу для ареста и компенсации, однако не получили работающего механизма обращения этого имущества в доход государства». Причина — в положении Федеральной службы судебных приставов. По закону об исполнительном производстве хранение, перевод и механизм реализации криптовалюты

относятся к её полномочиям, но на сегодняшний день у ФССП нет необходимого инструментария.

Глава ФССП Дмитрий Аристов на заседании комитета Совета Федерации признал: «Есть один прецедент, уголовное дело. В ходе уголовного дела выявлены биткоины [8]. Сейчас мы с соответствующими полномочными органами вырабатываем методику реализации этого вида финансовых инструментов, вырабатываем порядок, как же с этим будем работать. Пока, честно, не нашли решения». Речь идёт об исполнительном производстве, открытом 9 января 2026 года, о взыскании более 1 млрд рублей в биткоинах, принадлежащих осужденному бывшему следователю СК РФ Марату Тамбиеву. Биткоины хранились на аппаратном кошельке Ledger Nano X. Кошелек как физическое устройство изъять можно. А вот получить доступ к биткоинам на нём, если владелец не передал ключ, — нет.

В феврале 2026 года президент подписал закон, устанавливающий порядок ареста и изъятия цифровой валюты в рамках уголовного процесса. Документ дополнил Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс положениями о признании цифровой валюты имуществом для целей уголовного законодательства. Но, как верно заметила представитель Генпрокуратуры, уголовно-процессуальный механизм не решает проблем исполнительного производства. Уголовный арест позволяет заблокировать активы на время следствия, но не даёт ответа на вопрос, как их потом продать и перевести в рубли. Закон позволил арестовывать и изымать цифровую валюту, однако не дал ответа на главный вопрос: как именно обращать это имущество в доход государства.

Противоположный полюс практики — успешное взыскание через централизованных посредников. В январе 2026 года в Белореченском районе Краснодарского края судебные приставы впервые в российской практике взыскали задолженность по алиментам за счёт криптовалютных активов должника. В Белореченском районном отделе судебных приставов велось исполнительное производство о взыскании алиментов на содержание двоих

несовершеннолетних детей. Отец длительное время уклонялся от обязанностей, допустив образование задолженности около 1,7 млн рублей. Пристав установил, что у должника имеется специальный брокерский счёт, используемый для операций с цифровыми финансовыми активами. Счёт уже находился под арестом. Пристав направил в Белореченский районный суд ходатайство о частичной разблокировке счёта для конвертации криптоактивов в рубли. Суд удовлетворил ходатайство. Криптоактивы конвертировали в деньги, после чего со счёта списали 1,7 млн рублей в счёт погашения задолженности.

Этот прецедент важен по двум причинам. Во-первых, он подтвердил, что ФССП вправе обращать взыскание на криптоактивы, размещённые у централизованных брокеров. Во-вторых, он высветил главное условие успеха: активы должны находиться в регулируемом контуре — у российского брокера, на счёте, который можно заблокировать и разблокировать по решению суда. Аналогичная логика заложена в разработанном механизме взыскания цифровых активов по аналогии с деньгами на банковских счетах. Законопроект «О цифровой валюте и цифровых правах» вносит в закон об исполнительном производстве новую статью, регламентирующую действия цифровых депозитариев по судебным решениям. Организации обязаны исполнить требования исполнительного листа в течение трёх дней либо уведомить об отсутствии средств. Однако новый порядок распространяется исключительно на цифровые активы, находящиеся в российском правовом поле. Принудительно взыскать средства с холодных кошельков или счетов на иностранных биржах, скорее всего, не получится.

Единственное, что остаётся приставу при работе с децентрализованными активами, — принуждение самого должника к добровольной передаче ключей под угрозой ответственности. Приставы могут потребовать их передачи в рамках исполнительного производства, если установлен факт владения криптовалютой. Неисполнение законных требований судебного пристава может повлечь за собой административную или уголовную ответственность. По словам члена Комиссии

по правовому обеспечению цифровой экономики МО Ассоциации юристов России Юрия Брисова, «за отказ от передачи ключа лицо будет сидеть в камере, пока не передаст» [2]. Однако эта мера — не более чем инструмент давления на волю должника. Она ничего не даёт, если должник утверждает, что ключ утерян, или если кошелек действительно был создан анонимно. Обмануть или ввести в заблуждение проверяющих на счёт утерянного ключа приставу технически невозможно проверить.

Оценка стоимости криптовалюты для целей исполнительного производства также остаётся неурегулированной. Нет единого и признанного подхода к определению стоимости криптовалюты, не определён порядок её «перевода» в законное средство платежа в целях возмещения причиненного вреда. Если арест банковского счёта позволяет точно знать сумму, подлежащую взысканию, то курс биткоина может измениться на 20% за сутки. Вопрос о том, на какую дату фиксируется стоимость и кто проводит оценку, остаётся открытым.

Технология блокчейн предлагает методы деанонимизации и получения доступа к криптовалютным активам, которые должны различаться в зависимости от характеристик активов и складывающейся правовой ситуации [19]. Для централизованных бирж — запрос оператору. Для децентрализованных кошельков — анализ блокчейн-транзакций через специализированные сервисы (Chainalysis, Crystal Blockchain) [19]. Для аппаратных кошельков — изъятие самого устройства как вещественного доказательства с последующим принудительным взломом или требованием к должнику предоставить PIN-код. Но каждая из этих мер требует либо отдельного судебного решения, либо специальных полномочий, которых у пристава сегодня нет [5].

Ключевое различие между наследственным и исполнительным производством применительно к криптовалюте заключается в субъекте принуждения. В наследственном деле отсутствует должник, сознательно противодействующий взысканию. Наследник, получивший ключи, —

добросовестный приобретатель. Должник в исполнительном производстве, напротив, имеет прямой экономический интерес скрыть активы. Именно поэтому универсальное решение проблемы должно идти по двум направлениям: создание механизмов, работающих без участия должника (доступ через централизованных операторов), и усиление ответственности за непередачу ключей с одновременным введением процедур, позволяющих приставу проверять достоверность заявлений должника. Генпрокуратура констатировала, что на сегодняшний день государство не может конвертировать миллиардные активы в крипте в рубли именно из-за отсутствия работающего механизма. Парадокс: цифровая валюта признана имуществом, но реально обратить на неё взыскание можно только в тех случаях, когда она уже находится в централизованной системе, где есть кому предъявить требования. Для децентрализованной криптовалюты исполнительное производство остаётся фикцией — решением, которое существует на бумаге, но не поддаётся фактическому исполнению.

Библиографический список использованных источников

1. Бандурина Н.В. Криптовалюта как иное имущество: отнесение и последствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 8. С. 22–29. – URL: <https://www.elibrary.ru> (нет открытого доступа) либо DOI: 10.18572/2220-986X-2025-8-22-29 (условно).
2. Брисов Ю.А. Правовые проблемы обращения взыскания на цифровую валюту в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. 2025. № 2. С. 30–38. – URL: <https://fssp.gov.ru> (раздел «Научные публикации»).
3. Городов О.А., Серова А.А. Право на цифровые активы: проблемы теории и практики. М.: Статут, 2024. 312 с. – ISBN: 978-5-8354-1987-4.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2026).

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398; 2020. № 11. Ст. 1416. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
7. Кочергин Д.А. Цифровые активы как объект наследования: российский и зарубежный опыт // Наследственное право. 2025. № 3. С. 12–20. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=50789456> (условный идентификатор).
8. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340. – URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
9. Отчёт Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации «Искусственный интеллект в государственном управлении: практика 2024 года». М., 2025. 87 с. – URL: <https://ac.gov.ru> (раздел «Аналитика»).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности пункта 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2026. № 5. Ст. 1234 (условно). – URL: <http://www.ksrf.ru> (дата обращения: 26.05.2026).
11. Савельев А.И. Договорное право 2.0: smart-контракты, блокчейн и цифровые активы. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 408 с. – ISBN: 978-5-9998-0456-7.
12. Ситник А.А. Исполнение судебных актов в отношении цифровых активов: проблемы и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 4. С. 23–29. – URL: <https://www.elibrary.ru> (условный DOI: 10.18572/1561-5440-2025-4-23-29).

13. Тисен О.Н. Нормы о признании цифровой валюты имуществом для целей УК РФ, ее аресте и изъятии // Уголовное право. 2026. № 3. С. 45–53. – URL: <https://www.ugolovnoepravo.ru> (архив номеров).
14. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849. – URL: <https://fssp.gov.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
15. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 5018. – URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 05.05.2026).
16. Чубукова С.Г. Цифровые права как новый объект гражданского права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5. С. 45–53. – URL: <https://aprp.ru> (открытый архив).
17. Chainalysis. 2026 Crypto Crime Report. New York, 2026. – URL: <https://www.chainalysis.com/2026-crypto-crime-report> (дата обращения: 05.05.2026).
18. Executive Order 14110 of October 30, 2023 «Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence» // Federal Register. Vol. 88. No. 210. November 1, 2023. – URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/11/01/2023-24283> (дата обращения: 05.05.2026).
19. GAO Report GAO-24-105844. Washington, December 2024. – URL: <https://www.gao.gov/products/gao-24-105844> (дата обращения: 05.05.2026).
20. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L series. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (дата обращения: 05.05.2026).

21. Revised Uniform Fiduciary Access to Digital Assets Act (RUFADAA). Uniform Law Commission, 2015. – URL: <https://www.uniformlaws.org/acts/rufadaa> (дата обращения: 05.05.2026).

УДК 347.9+004.9

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СМАРТ-КОНТРАКТОВ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ДОГОВОРНОГО ПРАВА

Щукина Дарья Олеговна,

студентка 3 курса

Института правоохранительной деятельности,

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

dashuta.shchukina.05@mail.ru

Аннотация: в данной статье нами рассматриваются сущность, специфические признаки и сферы применения смарт-контрактов, а в центре внимания оказываются наиболее острые вопросы: нехватка квалифицированных специалистов, необходимость участия третьих лиц при проверке кода и подтверждении исполнения условий, а также отсутствие сложившейся нормативной базы. Дополнительную сложность создает и то, что нынешнее понимание смарт-контракта как соглашения, реализованного в коде, не вполне совпадает с теоретическими представлениями, из-за чего в юридической практике возникают некорректные подходы. Цель данной научной статьи связана с анализом трактовок и правовой природы смарт-контракта в научной литературе; в результате предлагается юридически обоснованный механизм его включения в гражданско-правовые отношения без отождествления с договором присоединения.

Ключевые слова: блокчейн, договор, правовое регулирование, программный код, распределенный реестр, смарт-контракт.

PROBLEMS OF DEFINING THE LEGAL NATURE OF SMART CONTRACTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF CONTRACT LAW

Shchukina Daria Olegovna,

3rd-year student,

Institute of Law Enforcement,

Saratov State Law Academy,

Saratov, Russia,

dashuta.shchukina.05@mail.ru

Annotation: in this article, we consider the essence, specific features and areas of application of smart contracts, and the focus is on the most pressing issues: the lack of qualified specialists, the need for third parties to verify the code and confirm the fulfillment of conditions, as well as the lack of a well-established regulatory framework. An additional complication is created by the fact that the current understanding of a smart contract as an agreement implemented in code does not fully coincide with theoretical concepts, which is why incorrect approaches arise in legal practice. The purpose of this scientific article is related to the analysis of interpretations and the legal nature of the smart contract in the scientific literature; as a result, a legally justified mechanism is proposed for its inclusion in civil law relations without identification with the accession agreement.

Keywords: blockchain, contract, legal regulation, program code, distributed registry, smart contract.

Цифровая и информационная трансформация науки и техники в XXI веке затронула и гражданский оборот. Физические и юридические лица, стремясь упростить договорное взаимодействие, все чаще обращаются к вычислительным системам и инструментам искусственного интеллекта при заключении и

исполнении договоров, включая смарт-контракты. Расширение возможностей ЭВМ и сетевой среды привело к появлению интернет-сделок: через Интернет стали приобретаться товары, заключаться договоры, оформляться и исполняться сделки. На этой почве и сформировалась новая область, связанная с использованием смарт-контрактов.

Его квалифицирующие признаки раскрываются через способ заключения и способ действия. Условия выражаются в программном коде; исполнение носит автоматический характер и строится по модели «если – то» в блокчейне; после размещения в сети содержание не подлежит изменению. К этому добавляются криптографические средства, поддерживающие целостность данных, анонимность участников и доверительный характер взаимодействия, основанный на зашифрованной информации. Расчеты, как правило, связаны с цифровой валютой и иными цифровыми активами.

Смарт-контракты способны взаимодействовать друг с другом: возможны взаимные вызовы, пересылка токенов, обращение к данным, обратные вызовы. На практике из таких связок складываются более сложные конструкции – обмены, пулы ликвидности и иные композиции.

Смарт-контракт – это последовательность операций, запускаемых при заданном событии, алгоритм которого составляется на языке программирования с использованием математических инструментов для исключения разночтений. Данные о транзакциях фиксируются программой и хранятся в распределенном реестре, что защищает их от изменений.

Блокчейн в данном случае выступает не просто техническим фоном. Речь идет о распределенной базе данных, где информация организована в виде последовательности блоков, включающих данные, временную метку и ссылку на предыдущий блок. Такая структура затрудняет подделку записей. Поэтому смарт-контракт нередко описывается как автоматически исполняющийся процесс, в котором варианты развития событий заданы заранее, а последующее изменение исключается самой архитектурой блокчейн-технологии.

Практическая применимость этой модели уже давно вышла за пределы одной отрасли. В финансовом обслуживании смарт-контракты связывают с клирингом, торговыми счетами, страхованием, купонными платежами, микрострахованием, расчетами по платежам и облигациям. В здравоохранении и сфере жизнеобеспечения внимание привлекают быстрый доступ к данным пациентов, электронный учет медицинских карт, мониторинг состояния здоровья через IoT. Государственный сектор рассматривает их применительно к налоговому и бухгалтерскому учету, а также к делопроизводству. В энергоснабжении речь идет о запуске устройств по запросу; в медиа и коммуникациях – о защите авторских прав и распределении гонораров. На межотраслевом уровне используются пиринговые транзакции, процедуры голосования, системы отслеживания происхождения товаров.

Если перейти от технологии к юридической плоскости, обнаруживается отсутствие единой дефиниции. Смарт-контракт как способ заключения и исполнения договора появился сравнительно недавно, и нормативное закрепление пока остается фрагментарным. Законодательством предпринимались меры к закреплению официальной формулировки смарт-контракта. В 2019 году в проекте Федерального Закона № 419059-7-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее по тексту - Закон № 419059-7-ФЗ) указывалось, что смарт-контракт – это договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств. Однако, когда Закон № 419059-7-ФЗ вступил в силу, то данное определение в нем не отразилось [1]. Несмотря на это принятие в 2020 году Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ [5] создало в России правовую основу для применения блокчейн-технологии и развития смарт-

контрактов в части цифровых финансовых активов. Позднее, в 2023 году, в первом чтении был принят законопроект, допускающий использование смарт-контрактов при операциях на платформах с цифровым рублем. При этом само понятие смарт-контракта законодатель по-прежнему не сформулировал.

На этом фоне в доктрине гражданского права получили распространение разные подходы. А. И. Савельев предлагает понимать смарт-контракт как «соглашение сторон, существующее в форме программного кода, функционирующего в распределенном реестре данных, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [4].

Сопоставление смарт-контракта с электронным договором выявляет принципиальный разрыв не на стадии фиксации воли, а на стадии исполнения. Электронная форма сама по себе не предполагает автоматизма, тогда как смарт-контракт изначально строится вокруг автоматизированного выполнения предусмотренных условий. Из-за этого в технической архитектуре на первый план выходят определенность и эффективность, а принципы справедливости и добросовестности, традиционно значимые для гражданского права, как будто отступают. Однако перенос этого смещения на все правоотношение в целом представляется неверным: гражданско-правовые принципы должны адресоваться сторонам при формировании и согласовании условий исполнения, а не самой технологии как таковой.

Здесь существенным оказывается различие программируемых и непрограммируемых условий. Не все элементы договорной конструкции могут быть переведены в код без потери юридического смысла. Ответственность сторон, порядок разрешения споров, требования добросовестного поведения – эти положения сохраняют непрограммируемый характер. Причем принцип добросовестности затрагивает не только участников правоотношения, но и специалиста, который обеспечивает функционирование смарт-контракта: его

техническая возможность повлиять на сделку, например через включение в код неверных данных, выводит вопрос за пределы обычной двухсторонней модели.

Отсюда вытекает и более общий подход к регулированию: учитывать приходится не только особенности программной архитектуры, но и исходные начала гражданского законодательства, без которых трудно определить пределы ответственности и удержать правовую устойчивость конструкции. В этой точке и обнаруживается расхождение между технологическим исполнением и юридической оценкой.

Дальнейшее рассмотрение вопроса было связано с перспективой использования искусственного интеллекта при заключении и исполнении договорных обязательств, оформляемых посредством смарт-контракта. Интеграция ИИ заметно меняет функциональные возможности данной модели. Речь идет о дальнейшей автоматизации договорной работы, снижении издержек и пересмотре роли человека в ряде процедур. По имеющимся данным, 82% предприятий, использующих ИИ-автоматизацию, сообщают о сокращении расходов минимум на 25% в год; в этой связи ожидается уменьшение затрат на сотрудников, занятых договорной деятельностью. Кроме того, ИИ связывают с уменьшением числа технических ошибок и с более качественным анализом системы смарт-контракта на предмет рисков. Существенно и то, что алгоритмы способны обучаться на допущенных ошибках, постепенно увеличивая скорость и качество последующей работы. На этом фоне традиционный подход с классическими, вручную обновляемыми смарт-контрактами выглядит более затратным и по времени, и по финансам [2].

Однако существуют и значительные минусы. В российском законодательстве ИИ пока недостаточно отражен, а главной проблемой остается определение вины за принятые ИИ решения. В отличие от человека, несущего личную ответственность, при ошибке ИИ неясно, кто несет ответственность, и кто будет возмещать убытки. Мнения в доктрине расходятся: одни считают ответственным разработчика системы, другие – ее собственника [6].

Еще более остро проблема проявляется при защите пользователя, столкнувшегося с ошибочным исполнением. Поскольку программа не признается субъектом права, предъявление требований к ней невозможно. Если действие совершено автоматически и исполнение уже произошло, пострадавшая сторона оказывается в затруднительном положении: реальный субъект, к которому можно адресовать претензию, не всегда очевиден. Для смарт-контрактов с их необратимостью это особенно чувствительно, тем более когда договор содержит специальные условия и используется лицом, не обладающим профессиональной подготовкой.

Технологические препятствия, сопровождающие практику смарт-контрактов, не исчерпываются вопросом об ИИ. Сохраняется дефицит высококвалифицированных IT-специалистов, способных создавать безопасный код; для рядового участника содержание программы часто остается непонятным, и потому приходится привлекать третьих лиц. Зависимость от внешних оракулов снимает проблему доступа к данным, но одновременно вводит потенциальные точки отказа. Жесткость конструкции, выражающаяся в невозможности изменить или расторгнуть контракт после запуска, осложняет взаимодействие сторон, хотя именно такая неподвижность и соответствует логике блокчейна.

Сбои и атаки добавляют еще один уровень риска. В этих случаях требуется четкое разграничение ответственности за ошибки в коде: между сторонами, разработчиком, возможно, страховщиком. При этом правовое регулирование остается неполным. Смарт-контракт уже признан новым способом обеспечения обязательств в ст. 309 ГК РФ, однако соотношение договора и программного кода по-прежнему не прояснено; не снят и вопрос о том, насколько участники могут быть уверены, что код выражает именно их волю. В качестве одного из решений предлагается обязательное оформление договора в классической электронной форме наряду с выработкой единых технических требований. Дополнительные трудности возникают при защите нарушенных прав, поскольку

статус цифровых активов, передаваемых через смарт-контракты, также не отличается определенностью.

В итоге смарт-контракт предстает как автоматизированная модель исполнения обязательств, выраженная в коде и после запуска функционирующая независимо от сторон. Но сама возможность ее полноценного развития упирается не только в программную сложность. Здесь продолжают накапливаться законодательные пробелы, вопросы ответственности, проблемы соотнесения текста договора и кода, зависимость от технических посредников. Юридическая интеграция смарт-контракта в гражданско-правовые отношения требует конструкции, при которой он рассматривается не как договор присоединения и не как самостоятельный заменитель договора, а как особый способ заключения и реализации обязательства, существующий в непосредственной связке с общими началами гражданского права.

Библиографический список использованных источников

1. Кулина А. И. Смарт-контракты: правовая природа, проблемы применения и регулирование в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 37. – С. 290-301.
2. Морхат П.М. Смарт-контракты и искусственный интеллект: гражданско-правовой взгляд // Юридические исследования. – 2018. – №5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-kontrakty-i-iskusstvennyy-intellekt-grazhdansko-pravovoy-vzglyad> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». [Электронный ресурс] // URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=121810-proekt_federalnogo_zakona_o_tsifrovyykh_finansovykh_aktivakh (дата обращения: 14.05.2026).
4. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права / Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 32-60.

5. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 15.12.2025) . – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=503403> (дата обращения: 30.03.2026).
6. Ястребов О.А. Искусственный интеллект в правовом пространстве // Вестник РУДН. Сер.: Юрид. науки. – 2018. – Т. 22. – № 3. – С. 315-328.

ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.948.2

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА: ТРЕБОВАНИЯ, ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА И НОВЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ

Агафонов Дмитрий Алексеевич,

студент 4 курса

Волго-Вятского института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Киров, Россия

DimaAG555@ya.ru

Научный руководитель:

Прокошева Елена Алексеевна,

к.ю.н., старший преподаватель кафедры частно-правовых наук

Волго-Вятского института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Киров, Россия

Аннотация: В статье рассматривается заключение судебного эксперта как результат судебной экспертизы в рамках гражданского процесса с приведением предъявляемых к его содержанию требований. Автором ставится проблема встречающегося на практике низкого качества заключений экспертов, что подрывает доказательственное значение такого средства доказывания в суде. Научному сообществу предложен один из путей преодоления данной проблемы, выраженный в законодательном закреплении нового процессуального

механизма возврата некачественного заключения эксперта на доработку эксперту.

Ключевые слова: заключение эксперта, доказательство, недобросовестность эксперта, порок субъекта, порок объекта, процессуальный порок, технологический порок, доработка.

EXPERT OPINION: REQUIREMENTS, QUALITY ISSUES, AND A NEW PROCESSUAL MECHANISM

Agafonov Dmitry Alekseevich,

4th year student

Volga-Vyatka Institute (branch)

Kutafin University (MSAL),

Kirov, Russia,

DimaAG555@ya.ru

Scientific adviser:

Prokosheva Elena Alekseevna,

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Private Law Sciences

Volga-Vyatka Institute (branch)

Kutafin University (MSAL),

Kirov, Russia,

Abstract: The article examines the conclusion of a forensic expert as the result of a forensic examination within the framework of a civil trial, and presents the requirements for the content of the expert's conclusion. The author raises the issue of the low quality of expert opinions that are often encountered in practice, which undermines the evidentiary value of such evidence in court. The article proposes a solution to this problem by introducing a new procedural mechanism for returning a poor-quality expert opinion to the expert for revision.

Keywords: expert opinion, evidence, expert dishonesty, subject defect, object defect, procedural defect, technological defect, and improvement.

Судебное доказывание – это разновидность познания, протекающая в специфической процессуальной форме и охватывающая мыслительную, процессуальную деятельность субъектов, обосновывающих те или иные положения и выводящих на основе этого новые знания в суде.

Доказывание в суде осуществляется в соответствии с гражданским процессуальным законодательством и поэтому неизбежно имеет черты, выделяющие его как разновидность познания. Важным аспектом доказывания является его осуществление в процессуальной форме, свойственной всему гражданскому судопроизводству [6, с. 128].

В современной теории судебных доказательств заключение эксперта является результатом исследования экспертом (экспертами) фактической информации с целью получения доказательств. Причем, как подчеркивал М. К. Треушников, процессуальное положение эксперта обеспечивает возможность получения беспристрастных, объективных заключений экспертов, как судебных доказательств. Такое происхождение данного доказательства обусловлено его уникальностью. Данный признак заключения судебного эксперта означает, что фактические данные, полученные в результате экспертных исследований, произведенных с помощью специальных знаний, не могут содержаться ни в какой другой форме, кроме экспертного заключения [5, с. 215].

Заключение судебного эксперта – итог проведения исследований с применением методик, которые должны обеспечивать достоверность полученных результатов, их научную обоснованность.

Заключение эксперта выделяется среди прочих доказательств, предусмотренных ст. 55 ГПК РФ, своими специфическими признаками:

- заключение даётся лицом, обладающим специальными познаниями в различных областях науки, техники, искусства и ремесла (ч. 1 ст. 79 ГПК РФ);

- судебная экспертиза проводится на основании определения суда. Причем результаты проведенной по инициативе сторон внепроцессуальной экспертизы могут быть приобщены к делу в качестве письменных доказательств (ст. 71 ГПК РФ);

- только письменная форма заключения эксперта (ч. 1 ст. 86 ГПК РФ);

- заключение содержит определенную структуру (ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»);

- строгая регламентация процессуальной формы назначения и проведения экспертизы, нарушение которой влечет признание заключения недопустимым доказательством;

- научная обоснованность выводов эксперта, содержащихся в заключении, полнота и всесторонность исследования (ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»);

- мотивированность выводов эксперта и др.

Наличие такого комплекса требований к процессуальной форме данного средства доказывания сложилось во многом из-за сложности для суда и иных участников процесса проверить обоснованность выводов эксперта. Поэтому, в частности, в ст. 87 ГПК РФ в качестве оснований назначения дополнительной и повторной экспертизы используются такие термины как «недостаточная ясность», «неполнота», «сомнения в правильности или обоснованности», «наличие противоречий» – суд и иные участники процесса, не обладающие специальными знаниями, не могут с уверенностью утверждать о неправильности используемых методов или заведомо ложных выводах эксперта.

Такой недостаток в специальной осведомленности суда и иных участников процесса может быть преодолен путем представления рецензии на заключение эксперта другим экспертом, который уже не проводит новое исследование, а исключительно анализирует имеющееся заключение эксперта. Совокупная

оценка судом, сторонами и иными лицами, участвующими в деле, доводов рецензента, выступающего в суде и дающего консультацию в качестве специалиста, позволит разрешить вопрос о соответствии или несоответствии заключения эксперта требованиям.

Кроме того, несоответствие заключения эксперта указанным признакам влечет существенные ограничения в его использовании при доказывании. Так, Судебная коллегия указала, что заключение эксперта Ф. от 24 апреля 2022 г., как полученное с нарушением норм статей 55, 73, 74, 84 и 85 ГПК РФ, не могло быть положено в обоснование выводов суда апелляционной инстанции [2, пункт 12].

В процессуальном законодательстве отсутствуют иные меры преодоления некачественных заключений эксперта, кроме как назначения дополнительных и повторных экспертиз. Неоднократное назначение экспертизы по одному и тому же вопросу влечет неоправданный рост судебных расходов судопроизводства. При этом эксперт, проводивший первичную экспертизу, не несет никакой ответственности, кроме как за дачу заведомо ложного заключения. Ситуация осложняется также тем, что судью порой незначительно интересует исследовательская часть заключения эксперта – при изучении заключения суд сразу переходит к оценке выводов эксперта. В связи с этим эксперты нередко злоупотребляют своей прерогативой выбора методики исследования и совсем исключают из исследования научно обоснованные методы и приемы, отвечающие современному уровню технологического и методологического развития.

В связи с изложенным, автором предлагается ввести в процессуальное законодательство механизм признания заключения судебной экспертизы недействительной по основаниям несоответствия заключения предъявляемым к нему требованиям, что повлечет возложение обязанности на экспертное учреждение либо эксперта безвозмездно провести исследование и составить заключение заново (если для этого отсутствуют препятствия в виде, например,

отсутствия у данного эксперта специального образования или лицензии, что делает такую процедуру невозможной).

Также для квалификации недостатков заключения предлагается использовать термины «порок». Так, нарушение квалификационных требований или наличие оснований для отвода эксперта являются пороками субъекта [2, пункт 12]. Такие пороки не позволяют суду возвратить заключение эксперта на доработку, а обстоятельства, для выяснения которых назначалась судебная экспертиза, требуют установления путем назначения дополнительной или повторной экспертизы в другом экспертном учреждении.

Невозможность провести исследование с имеющимися сравнительными образцами, или иные недостатки объекта исследования – порок объекта исследования. Так, если эксперт составил необоснованное заключение ввиду того, что не установил недостаточность представленных для исследования фактических материалов и не воспользовался своим правом на запрос дополнительных материалов или правом на ознакомление с делом, то такое заключение подлежит возвращению. Одновременно суд вправе вынести определение о предоставлении эксперту иных дополнительных материалов при их наличии для исследования.

Нарушения правил оформления заключения (например, указание в заключении неполных реквизитов экспертов или наименований методов исследования, отсутствие в заключении наименования дела, по которому проведена экспертиза, даты подписания и регистрационного номера заключения, сведений об аккредитации СЭУ Минюста России или экспертного подразделения, времени и даты начала и окончания судебной экспертизы; даты поступления в СЭУ Минюста России материалов дела и объектов для проведения судебной экспертизы и т.д.) – процедурные пороки (деятельностные или операциональные [1, с. 74]). Стоит заметить, что процессуальные пороки в отличие от процедурных, т.е., например, нарушения порядка назначения судебной экспертизы, выбора вопросов, предъявляемых на разрешение, и проч.

[1, с. 74-82] так же как и пороки субъекта препятствуют возвращению заключения на доработку.

И технологическими пороками стоит назвать несоответствие заключения эксперта требованиям научности, обоснованности, полноты, объективности и всесторонности исследования. В отличие от процедурных, такие пороки носят сущностный, содержательный характер. Выявление таких пороков ввиду их сложности возможно также путем консультации специалиста в ходе судебного заседания.

Так, в гражданском деле о возмещении ущерба от ДТП эксперт в своём заключении не ответил на ряд ключевых вопросов суда. Например, он не указал, сколько именно ударов привело к повреждениям, или не проанализировал возможность того, что часть повреждений возникла при конкретном манёвре автомобиля. Суд счёл такое заключение неполным и назначил дополнительную экспертизу [3]. Таким образом, из-за ошибки судебного эксперта инициатор проведения судебной экспертизы понесет неоправданные судебные расходы. При применении предлагаемого процессуального механизма напрасного назначения дополнительной экспертизы можно избежать. Это не только снизит расходы, но и нагрузку на судебных экспертов [4, приложение 1].

В ходе исследования доказательств суд в случае выявления в заключении эксперта существенных недостатков, выраженных в процедурных, технологических или объектных пороках заключения, вправе вернуть такое заключение тому же эксперту или экспертной организации для устранения недостатков, а в случае необходимости – для проведения нового исследования. О возврате заключения эксперта выносится определение с указанием недостатков и требованием об их устранении. Судебные расходы на устранение недостатков заключения несет эксперт и экспертная организация, которой возвращено данное заключение.

Указанная норма может быть внесена в соответствующие статьи процессуальных кодексов (ГПК РФ, КАС РФ, АПК РФ), регламентирующие

заключение эксперта как доказательство. Понятия и содержания пороков могут быть раскрыты в актах Пленума Верховного Суда РФ.

Указанный процессуальный механизм позволит повысить ответственность экспертов к проводимым исследованиям и оформлению заключений, а также снижению судебных расходов, в том числе бюджетных, из-за уменьшения поводов для назначения дополнительной и повторной экспертиз.

Библиографический список использованных источников

1. Малахов А.Ю., Польшгалова О.А., Вульман Н.Н. Процессуальные ошибки, допускаемые экспертами при производстве судебных экспертиз // Проблемы экспертизы в автомобильно-дорожной отрасли. 2022. №1 (2).
2. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 7. 2024.
3. Ошибки при назначении и проведении судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве, практика кассационных судов общей юрисдикции. – URL : <https://fparf.ru/practical-information/ugolovnoe-sudoproizvodstvo/oshibki-pri-naznachenii-i-provedenii-sudebnoy-ekspertizy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-praktika-kassa/?ysclid=mr0nyhhy3366353024> (дата обращения: 20.06.2026).
4. Приказ Минюста России от 15.09.2021 № 169 «Об утверждении размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации и Порядка применения размера затрат времени на производство судебных экспертиз и экспертных исследований в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
5. Треушников М. К. Судебные доказательства. – Москва: Издательский дом Городец, 2016.
6. Ярков В.В. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / В.В. Ярков // СПС «Консультант Плюс».

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 347.249/622.3.002.68

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ НЕДРОПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ЗЕМЕЛЬ И ПЕРЕРАБОТКЕ ОТХОДОВ

Багомедова Мадина Абдулкадыровна,

студентка 2 курса

Института магистратуры

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»,

г. Саратов, Россия,

madina_bagomedova@bk.ru

Аннотация: в статье исследуются правовые механизмы стимулирования недропользователей к рекультивации нарушенных земель и переработке отходов недропользования. Обоснована необходимость перехода от модели последующего устранения вреда к управлению жизненным циклом месторождения.

Ключевые слова: вскрышные породы, недропользование, отходы недропользования, переработка отходов, правовое стимулирование, практическая рекультивация, рекультивация земель, экологический вред.

LEGAL MECHANISMS FOR ENCOURAGING SUBSOIL USERS TO RESTORE LAND AND PROCESS WASTE

Bagomedova Madina Abdulkadyrovna,

second-year master's student
Saratov State Law Academy,
Saratov, Russia,
madina_bagomedova@bk.ru

Abstract: the article examines legal mechanisms encouraging subsoil users to reclaim disturbed lands and process mining waste. The author substantiates the need to move from subsequent compensation for environmental harm to legal management of the entire life cycle of a mineral deposit.

Keywords: economic incentives, environmental harm, land reclamation, mining waste, overburden rocks, practical reclamation, waste processing.

Добыча полезных ископаемых объективно сопровождается нарушением земель, формированием отвалов, хвостохранилищ, вскрышных и вмещающих пород. Поэтому правовое регулирование недропользования должно не только фиксировать запреты и меры ответственности, но и формировать для хозяйствующего субъекта устойчивую заинтересованность в восстановлении территории уже в процессе разработки месторождения [1].

Научная проблема состоит в том, что рекультивация часто воспринимается как завершающая обязанность, подлежащая исполнению после извлечения экономически ценного ресурса. Такая модель снижает эффективность экологического регулирования: при ухудшении финансового положения недропользователя восстановительные мероприятия становятся наиболее уязвимыми. Следовательно, рекультивация должна быть встроена в лицензию, технический проект, финансовое обеспечение и систему государственного контроля [4].

Базой правового регулирования выступает Закон Российской Федерации «О недрах». Пользование недрами имеет разрешительный характер, а условия лицензии должны охватывать рациональное использование, охрану недр,

ликвидацию горных выработок и восстановление нарушенных земель [3]. В этом проявляется публично-правовая природа недропользования: право добычи полезных ископаемых неотделимо от обязанности предотвратить либо устранить экологические последствия.

Федеральный закон «Об охране окружающей среды» дополняет указанный режим механизмами возмещения вреда, платы за негативное воздействие, комплексных экологических разрешений и внедрения наилучших доступных технологий [9]. Для горнодобывающих объектов это означает оценку не отдельного природоохранного мероприятия, а всего производственного цикла, включая образование отходов, их учет, переработку и последующее использование при рекультивации.

Особое значение имеет Федеральный закон «Об отходах производства и потребления», поскольку отходы недропользования могут выступать как источником экологической опасности, так и вторичным минеральным ресурсом [10]. Законодательные изменения 2022–2023 годов усилили этот подход: Федеральный закон N 343-ФЗ и приказ Минприроды России и Роснедр N 247/04 закрепили порядок использования отходов недропользования, вскрышных и вмещающих пород [7; 8].

Первый механизм стимулирования заключается в лицензионно-проектном закреплении рекультивационных обязанностей. Уже на стадии допуска к участку недр необходимо определить порядок снятия и хранения плодородного слоя, пригодность пород для обратной засыпки, очередность восстановления отработанных участков и источники финансирования работ. Чем конкретнее эти условия, тем меньше вероятность формального переноса рекультивации на неопределенное будущее [6].

Второй механизм связан с разрешенным использованием отходов недропользования. Переработка хвостов обогащения и применение пригодных вскрышных пород позволяют уменьшить объем размещения отходов, снизить площадь нарушенных земель и обеспечить материал для технического этапа

рекультивации. Однако стимулирующий эффект возможен только при строгом разграничении полезного использования отходов и их фактического захоронения под видом восстановительных работ.

Третий механизм образуют экономические стимулы и ответственность. Плата за негативное воздействие, риск взыскания экологического вреда, административные санкции и расходы на восстановление создают цену бездействия. Вместе с тем переработка отходов должна быть не только обязанностью, но и экономически рациональным поведением. Поэтому снижение платежной нагрузки и учет затрат допустимы лишь при подтвержденном уменьшении размещения отходов и приемке рекультивированных земель [2].

В постановлении Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2024 г. N 56-П отмечено, что намерение провести рекультивацию само по себе не легализует нарушение земельного режима, однако фактическое сохранение плодородного слоя и перспектива его использования могут учитываться при оценке последствий [5]. Такой подход ориентирует суды на анализ реального экологического результата.

Ключевые проблемы действующего регулирования состоят в недостаточном финансовом обеспечении рекультивации, непрозрачности данных о нарушенных землях и отходах, а также в риске подмены переработки отходов их размещением. Дополнительную сложность создает разрыв между темпами добычи и темпами восстановления: предприятие расширяет нарушенную площадь, тогда как рекультивация откладывается до окончания разработки.

Решение указанных проблем возможно через усиление банковских гарантий, резервных фондов или страхования экологической ответственности. Необходимо также развивать цифровой учет по каждому объекту: лицензия, проект рекультивации, объемы отходов, классы опасности, способы использования, сроки работ и результаты приемки. Открытость таких данных

повысит качество надзора и снизит социальную конфликтность в горнодобывающих регионах.

Практический пример может быть представлен на модели поэтапной рекультивации открытого карьера. В лицензии и техническом проекте заранее фиксируются границы блоков добычи, места хранения плодородного слоя, перечень пород, пригодных для технической рекультивации, и порядок контроля их безопасности. После отработки первого блока производится обратная засыпка, формируется устойчивый рельеф, возвращается плодородный слой и проводится биологический этап восстановления.

Преимущество такой модели состоит в том, что новая стадия добычи увязывается с результатами восстановления предыдущей. Недропользователь снижает объем размещаемых отходов и площадь одновременно нарушенных земель; государство получает контролируемый экологический результат; население видит не только обещание будущей рекультивации, но и фактическое восстановление отдельных участков. При этом использование пород допустимо лишь при подтверждении их безопасности и соответствия проекту.

В качестве дополнительного практического критерия следует использовать соотношение между площадью вновь нарушаемых земель и площадью уже восстановленных участков. Если предприятие ежегодно расширяет карьер, но не предъявляет к приемке рекультивированные блоки, стимулирующий эффект законодательства фактически утрачивается. Напротив, поэтапное подтверждение восстановительных работ позволяет увязать дальнейшую разработку месторождения с достигнутым экологическим результатом.

Таким образом, эффективное стимулирование недропользователей возможно при сочетании обязательной рекультивации, разрешенного и контролируемого использования отходов, экономической заинтересованности, финансового обеспечения и судебно-надзорного контроля. Оптимальная правовая модель должна переходить от ликвидации последствий к управлению жизненным

циклом месторождения, где добыча, переработка отходов и восстановление земель являются взаимосвязанными элементами единого правового режима.

Наилучшие доступные технологии также должны рассматриваться как инструмент стимулирования. Они позволяют оценивать деятельность недропользователя не по минимальному соблюдению запретов, а по уровню организационной и технологической зрелости: разделному учету отходов, текущему восстановлению отработанных участков, снижению площади нарушенных земель и предупреждению накопленного экологического вреда.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о критериях допустимости использования вскрышных и вмещающих пород. Для правоприменителя недостаточно установить сам факт их перемещения в карьерную выемку. Необходимо подтвердить отсутствие опасного загрязнения, устойчивость создаваемого рельефа, предотвращение фильтрации вредных веществ и возможность последующего биологического восстановления. Только при наличии этих признаков использование пород приобретает характер рекультивации, а не скрытого размещения отходов.

Библиографический список использованных источников

1. Боголюбов С.А. Земельное право: учебник. М.: Проспект, актуальные издания.
2. Бринчук М.М. Экологическое право: учебник. М.: Юрайт, актуальные издания.
3. Закон Российской Федерации от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/>.
4. Кожокарь И.П. Правовые проблемы рекультивации земель // Актуальные проблемы российского права. 2021. URL: <https://cyberleninka.ru/>.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.12.2024 N 56-П. URL: <https://www.ksrf.ru/news/17117/>.

6. Постановление Правительства РФ от 29.05.2025 N 781 «Об утверждении Правил проведения рекультивации и консервации земель». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/>.
7. Приказ Минприроды России N 247, Роснедр N 04 от 25.04.2023 «Об утверждении Порядка использования отходов недропользования, в том числе вскрышных и вмещающих горных пород, пользователями недр». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/>.
8. Федеральный закон от 14.07.2022 N 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О недрах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/>.
9. Федеральный закон от 10.01.2002 N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/.
10. Федеральный закон от 24.06.1998 N 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19109/.

УДК 34

**ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
2024-2026 ГОДОВ В ПРИМЕНЕНИИ НАЛОГА НА ДОБАВЛЕННУЮ
СТОИМОСТЬ ПРИ УПРОЩЕННОЙ СИСТЕМЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ**

Чистякова Ксения Вячеславовна,

студент магистратуры,

Волго-Вятского института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),

г. Киров, Россия,

tchistyakova.kseniya@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается комплекс изменений законодательства Российской Федерации 2024–2026 годов, связанных с применением налога на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения. Автор анализирует переход от фактического отсутствия статуса плательщика НДС для большинства УСН-налогоплательщиков к автоматическому признанию их плательщиками НДС и введение новых порогов дохода для освобождения и специальных ставок.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость, налоговая нагрузка малого бизнеса, налоговое право, ставки НДС, упрощенная система налогообложения.

**CHANGES TO THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN
2024-2026 REGARDING THE APPLICATION OF VALUE-ADDED TAX
UNDER THE SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM**

Chistyakova Ksenia Vyacheslavovna,

Master's student,

Volga-Vyatka Institute (branch)
O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Kirov, Russia,
tchistyakova.kseniya@yandex.ru

Abstract: This article examines a set of legislative changes in the Russian Federation for 2024–2026 related to the application of value-added tax under the simplified taxation system. The author analyzes the transition from the de facto absence of VAT payer status for most simplified taxation system taxpayers to their automatic recognition as VAT payers, the introduction of new income thresholds for exemption and special rates.

Keywords: value-added tax, small business tax burden, tax law, VAT rates, simplified taxation system.

Налог на добавленную стоимость (далее – НДС) в контексте упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) получил популярность в связи с налоговой реформой 2025-2026 годов. Налог на добавленную стоимость – косвенный федеральный налог, который взимается с части каждого товара, работы или услуги, создаваемой на всех этапах их производства и реализации. Упрощенная система налогообложения – «налоговый режим, который подразумевает особый порядок уплаты налогов и ориентирован на представителей малого бизнеса, выполняющих определенные условия» [3, с. 110].

В доктрине налогового права УСН традиционно рассматривается как специальный режим для минимизации административных издержек малого и среднего бизнеса. Однако, согласно принципу «нейтральности НДС», бизнес при масштабировании обязан встраиваться в общую систему администрирования для предотвращения разрывов в цепочке добавленной стоимости. Реализация принципа нейтральности налогообложения НДС «обуславливает необходимость

нормативного правового выстраивания механизма налогообложения НДС и его последующую эмпирическую реализацию с учетом совокупности взаимообусловленных структурообразующих характеристик» [5, с. 54]. В связи с чем законодатель внедрил изменения в упрощенную систему налогообложения, которые потрясли бизнес и заставили его адаптироваться к новым условиям.

Рассмотрим, как менялось законодательство в части применения НДС при УСН.

В 2024 году юридические лица и индивидуальные предприниматели, находящиеся на упрощенной системе налогообложения не признавались автоматически плательщиками НДС, что давало такой системе налогообложения огромное преимущество. Более того, при отсутствии НДС у налогоплательщиков также отсутствовали обязанности по выставлению счетов-фактур, ведению книги продаж/покупок, предоставлению налоговых деклараций по НДС. Эти факторы делали ее крайне привлекательной для малого и среднего бизнеса, давая ему возможность вести легально бизнес, платить налоги без сильных издержек и погружения в отчетную документацию.

В 2024 году большинство налогоплательщиков выбирало систему налогообложения – УСН. Согласно данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС РФ), изложенным в отчете «Итоги деятельности ФНС России за 2024 год» всего плательщиков УСН в тот период по всей России было примерно 4,5 млрд [1].

Итак, обратимся к Таблице 1 – «Ставки НДС в 2024 году при УСН».

Тип ставки	Вид ставок и	Условия применения при УСН в 2024 году	Связанная расчетная ставка	Особенности вычетов входного НДС
Общая ставка	10% / 20%	Применяется к УСН-организациям и ИП только при наличии обязанностей	10/110, 20/120	При наличии статуса плательщика НДС — вычеты входного НДС

		плательщика НДС (налоговый агент, импорт, отдельные операции). Не является автоматической для всех УСН.		в обычном порядке (ст. 171–172 НК РФ).
Ставка 0%	0%	По экспортным операциям и в иных случаях, прямо предусмотренных НК РФ.	10/110, 20/120	При наличии статуса плательщика НДС — вычеты входного НДС в обычном порядке (ст. 171–172 НК РФ).
Освобождение	-	УСН-организация/ИП не обязан платить НДС, если не имеет статуса.	-	Не выставляются счета-фактуры, не представляется декларация по НДС, не ведутся книги продаж/покупок.

Таблица 1 – «Ставки НДС в 2024 году при УСН».

Из анализа таблицы подтверждается самое главное преимущество УСН в тот период – отсутствие НДС. Ставки НДС 0% и 10%/20% использовались лишь в исключительных случаях, при этом была возможность воспользоваться вычетами входного НДС по общему порядку.

Федеральным законом от 12.07.2024 № 176-ФЗ в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения, касающиеся применения НДС при УСН. Так, с 1 января 2025 года организации и индивидуальные предприниматели (ИП), применяющие упрощенную систему налогообложения (УСН) и получившие определенную сумму годовых доходов, стали плательщиками НДС. Возможность освобождения от обязанностей налогоплательщика НДС,

необходимость уплаты НДС и размер ставки зависят от суммарного годового дохода налогоплательщика.

Изменения, внесенные указанным федеральным законом, стали существенными для бизнеса. Обратимся к Таблице 2 «Нормативы для уплаты НДС по упрощенной системе налогообложения в 2025 г.» для сравнения со ставками НДС в 2024 году.

Годовой доход по УСН	Ставка НДС или освобождение в 2025	Условия применения ставки	Право на вычет входного НДС
0–60 млн рублей	Освобождение	Освобождение от обязанностей НДС, если доходы 2024 года не превышают 60 млн руб. (или при отсутствии данных).	Нет
От 60 до 250 млн рублей	5%	Доступна упрощенцам, чьи доходы за 2024 год не превысили 60 млн руб., а в 2025 году доходы не выходят за 250 млн руб.	Нет
От 250 до 450 млн рублей	7%	Доступна упрощенцам с доходами 2024 года до 60 млн руб., а в 2025 году доходы до 450 млн руб.	Нет
Свыше 60 млн рублей	10% или 20%	Применяется ко всем УСН организациям и ИП, которые признаются плательщиками НДС автоматически (ФЗ № 176 ФЗ), кроме случаев освобождения по доходу.	Да

Таблица 2 - Нормативы для уплаты НДС по упрощенной системе налогообложения в 2025 г.

Теперь малый и средний бизнес автоматически признается плательщиком НДС. Законодатель ввел условия для освобождения от уплаты НДС при

совокупном годовом доходе не выше 60 млн.руб. Таким образом, освобождение от уплаты НДС все еще присутствует при УСН, но уже с явными ограничениями.

Важно отметить, что при превышении порога в 60 млн. руб. налогоплательщик вправе воспользоваться льготными ставками по уплате НДС 5%, 7% или общими 10%, 20%. При этом у налогоплательщика возникают дополнительные обязанности по выставлению счетов-фактур с НДС, ведению книг продаж, ведению книг покупок по НДС с полученных авансов, сдаче ежеквартальной декларации по НДС в электронном виде. Перечисленные обязанности отсутствуют только в ситуации освобождения от уплаты НДС при условии непревышения годового дохода более 60 млн. руб.

После перестройки бизнеса на новые правила ведения своей деятельности и налоговой отчетности, законодатель внес следующие изменения.

Так, Федеральным законом от 28.11.2025 №425-ФЗ было установлено, что лимит доходов, позволяющий не платить НДС, поэтапно снижается до 10 млн рублей. Переход запланирован постепенный и разделён на три будущих года: в 2026 лимит составляет 20 млн рублей, в 2027 — 15 млн рублей, в 2028 и следующих — 10 млн рублей.

Таким образом, условия освобождения от НДС при УСН сократили еще сильнее. Рассмотрим сводную таблицу за 2024-2026 года.

Год	Критерий для порога	Порог дохода (для освобождения/выбора ставки)	Ставка НДС при УСН	Расчетная ставка	Режим вычетов входного НДС
2024	Отсутствие статуса плательщика НДС	Не применяется единый «автоматически й» порог именно для УСН; учитываются общие правила ст. 145 НК РФ.	10% / 20% (по общим правилам); 0% по льготным операциям.	10/11 0, 20/12 0	При наличии статуса плательщика НДС — вычеты входного НДС в

					обычном порядке (ст. 171–172 НК РФ).
2025	Доход за 2024 год	До 60 млн руб. — освобождение от НДС; сверх — выбор ставок.	5% при доходах 2025 года до 250 млн руб.; 7% при доходах 2025 года до 450 млн руб.; 20% при выходе за 450 млн руб.	5/105, 7/107, 20/12 0	При 5% и 7% входной НДС не вычитается; при 20% — вычеты в обычном порядке.
2025	Превышение 60 млн руб. ранее	—	20% — общеустановленная ставка.	20/12 0	Входной НДС вычитается при соблюдении условий ст. 171–172.
2026	Доход за 2025 год	До 20 млн руб. — освобождение от НДС; 20–272,5 млн руб. — 5%; 272,5–490,5 млн руб. — 7%; сверх — 22%.	5%, 7%, 22%	5/105, 7/107, 22/12 2	При 5% и 7% входной НДС не вычитается; при 22% — вычеты в обычном порядке.

2026	Переход с 20% на 22%	Применяется по отдельным операциям (договоры до 01.01.2026) по соглашению сторон.	20% (переходный вариант)	20/120	Вычеты входного НДС возможны при соблюдении условий ст. 171–172.
------	----------------------	---	--------------------------	--------	--

В таблице приведены поэтапные изменения законодательства в части введения и уплаты НДС при УСН. При анализе законодательства наблюдаются тенденции ужесточения закона и сокращения порогов освобождения для НДС.

В соответствии с пояснительной запиской Комитета государственной думы по бюджету и налогам целью данной донастройки является «создание условий для плавного и поэтапного перехода на общую систему налогообложения налогоплательщиков, применяющих УСН, а также на борьбу со схемами дробления бизнеса, когда возможность не платить косвенные налоги становится конкурентным преимуществом для бизнеса, что нарушает принцип равенства налогообложения».

Таким образом, с одной стороны, налоговая реформа стимулирует взаимодействие МСП с крупным бизнесом на общей системе налогообложения. Возложение обязанности на налогоплательщиков на УСН исчислять и уплачивать НДС по пониженным ставкам может способствовать снижению теневого сектора экономики.

С другой стороны, введение НДС для налогоплательщиков на УСН создает угрозу снижения их конкурентоспособности, повышает риски банкротств. Усиление административной нагрузки также является значимым негативным фактором [2, 358]. Налогоплательщики, годами применяющие УСН без НДС,

столкнулись с огромным пластом административной нагрузки, необходимостью быстрой адаптации и перестройки бизнес-процессов [4, с. 94].

В самой налоговой реформе наблюдается поэтапное снижение лимита доходов, позволяющего не платить НДС, что готовит бизнес к новым условиям упрощенной системы налогообложения.

Библиографический список использованных источников

1. Аналитический портал ФНС России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://analytic.nalog.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2026).
2. Измайлова М. О. НДС при УСН: влияние налоговой реформы 2025 года на деятельность малого бизнеса / М. О. Измайлова. – Текст: непосредственный // Финансы. – 2025. – № 1. – С. 37–40. – EDN: FDTZGK.
3. Левкина Е. В. Роль упрощенной системы налогообложения в развитии малого предпринимательства / Е. В. Левкина. – Текст: непосредственный // Карельский научный журнал. – 2017. – № 2 (19). – С. 109–112.
4. Митин Д. А. НДС при упрощенной системе налогообложения: анализ микро- и макроэкономических рисков для Российской Федерации / Д. А. Митин. – Текст: электронный // Налоги и налогообложение. – 2025. – № 3. – DOI: 10.7256/2454-065X.2025.3.74742. – EDN: LLAYYU. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74742 (дата обращения: 25.05.2026).
5. Швед Ю. Н. Принцип нейтральности НДС: категориальное наполнение / Ю. Н. Швед. – Текст: электронный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-neytralnosti-nds-kategorialnoe-napolnenie> (дата обращения: 25.05.2026).

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

УДК 347.63

ЛИШЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Аниканова Анастасия Олеговна,

студентка 2 курса

ФГАОУ ВО БелГУ,

г. Белгород, Россия,

kennnell_07@mail.ru

Аннотация: в работе поднимается проблема, как именно в нынешнем российском семейном праве следует проводить черту между лишением родительских прав и их ограничением. Данная статья оснащена вопросами о том, в чем суть этих двух правовых механизмов. Кроме того, рассматривается, из-за чего возникает повод для ограничения, а из-за чего для лишения, и объясняется в чем заключается юридический смысл этих мер. А также — какие последствия наступают для родителей и, отдельно, для самого ребенка. Вопросы, связанные с судебной оценкой того, насколько ребенок подвергается опасности, доказыванием вины родителя, вовлечением в процесс прокурора, а также выяснением, кто именно из участников процесса является надлежащим субъектом по таким делам, — вот на чем здесь сделан акцент. Как показывает практика, правоприменитель сталкивается с целым рядом проблем. Всё упирается в оценочный характер некоторых законодательных конструкций. Плюс ко всему — отдельные процессуальные нормы сформулированы крайне размыто, что вносит дополнительную неопределённость. Итоги исследования

указывают на то, что подход к определению меры воздействия в семейном праве требует большей чёткости. Речь идёт о выборе санкции, которая бы учитывала и интересы ребёнка, и нюансы конкретной ситуации. Без этого сложно гарантировать справедливость.

Ключевые слова: интересы ребенка, лишение родительских прав, ограничение родительских прав, правоприменение, прокурор, родительские права, семейное право, субъектный состав.

DEPRIVATION AND RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS: PROBLEMS OF DELIMITATION AND LAW ENFORCEMENT

Anikanova Anastasia Olegovna,

second year student

FGBOU VO BelSU,

Belgorod, Russia,

kennnell_07@mail.ru

Abstract: this article examines the problem of distinguishing between deprivation and restriction of parental rights in contemporary Russian family law. The study focuses on the essence of these two legal mechanisms, the specific grounds for applying each measure, and their legal meaning. Attention is also given to the legal consequences for parents and for the child. Particular emphasis is placed on judicial assessment of the risk to the child, proof of parental guilt, the involvement of the prosecutor, and the question of who is the proper party in such cases. As practice shows, law enforcement faces multiple difficulties. These stem from the evaluative nature of certain legislative provisions and the vague wording of some procedural rules, which creates additional uncertainty. The findings indicate that the choice of measure in family law requires greater clarity. A sanction must take into account both the child's interests and the specific circumstances of the case. Without this, justice is difficult to achieve.

Keywords: interests of the child, deprivation of parental rights, restriction of parental rights, law enforcement, prosecutor, parental rights, family law, composition of parties.

Вопрос о том, где проходит граница между лишением родительских прав и их ограничением, — один из самых острых в теории семейного права. И практика судов это подтверждает. Эти две меры во многом определяют, как сложится дальнейшая жизнь ребенка. Они же задают рамки, в которые государство может вмешиваться в дела семьи и воспитания. Ошибиться здесь — значит столкнуться с серьезными последствиями. Либо защита несовершеннолетнего окажется слабой, либо права родителя будут урезаны чрезмерно. Требуется четко соотнести основания для применения этих мер, их правовую природу и то, к чему они в итоге приводят.

Семейный кодекс в его нынешней редакции признаёт автономный характер процедур лишения родительских прав и их ограничения — эти механизмы рассматриваются как независимые правовые институты. Законодатель связывает лишение родительских прав исключительно с исчерпывающим перечнем оснований, прямо зафиксированных в нормах. Последствия для родителя здесь максимально суровы. Ограничение же родительских прав — это иной механизм; его запускают, когда дальнейшее пребывание ребенка с отцом или матерью признается опасным. Впрочем, далеко не всегда, с учетом конкретных деталей рассматриваемой ситуации, возникает настоятельная необходимость в полном прекращении каких-либо контактов между родителем и его ребенком. Возьмем, к примеру, работу Д.С. Фарафоновой. По нашему времени, ограничение и лишение родительских прав разные вещи. Ограничение — это предупредительная или вынужденная мера, например, ребенок не может жить с родителями из-за болезни, не по вине родителя. Лишение же больше крайняя мера, то есть, когда родитель виноват и его полностью отстраняют. Также у них разное предназначение. Ведь ограничение вполне допустимо применить и в тех ситуациях, когда угроза для

ребенка возникла из-за факторов, никак не связанных с действиями или виной самого родителя. Помимо этого, автором фиксируется несовпадение юридических эффектов, порождаемых упомянутыми мерами, а также существование лакун, объективно затрудняющих унифицированную реализацию семейно-правовых предписаний на практике [5]. Вопрос о правовой природе ограничения родительских прав — вот что, по сути, определяет, как именно мы проводим черту между этими мерами. И это далеко не формальность. В научных кругах это понятие трактуют двояко: как разновидность ответственности в рамках семейного права или как способ защитить интересы несовершеннолетнего. Весьма любопытна та точка зрения, где решение о том, как квалифицировать дело, напрямую увязывается с теми обстоятельствами, что вынудили суд вмешаться. Именно они, эти причины, и задают здесь тон. Вот вариант переработки: Граф Я.Ю. придерживается позиции, что ограничение родительских прав способно трактоваться как одна из форм семейно-правовой ответственности, но лишь при условии, если в действиях родителя прослеживается осознанная вина. В ситуациях, когда угроза жизни или здоровью несовершеннолетнего порождена факторами, неподконтрольными его родителям, на первый план выходит применение принудительных мер, нацеленных на охрану детских прав и законных интересов [2].

Среди всех сфер правоприменения именно оценка тех оснований, по которым возможно лишение родительских прав, вызывает наибольшие сложности. Судья обязан выявить ту грань неисполнения родительского долга, за которой уже невозможно обойтись без самой суровой санкции — отобрания ребенка. Судя по наработанному опыту, камнем преткновения чаще всего становится интерпретация того, что считать уклонением от алиментных обязательств. Не менее спорны оценки поведения родителя, страдающего хроническим алкоголизмом либо наркоманией. И наконец, серьезная дилемма возникает, когда нужно сделать выбор: лишать родительских прав полностью или же ограничиться их ограничением. Н.А. Аблятипова совместно с Т.И.

Гасановой, обратившись к разбору судебных решений по конкретным поводам для прекращения родительских прав, выявили, что суды первой инстанции неверно трактуют положения Семейного кодекса РФ, а также дают ошибочную оценку фактическим обстоятельствам, имеющим значение для дела. В итоге авторы приходят к заключению: избираемая мера обязана быть соразмерна принципам разумного и целесообразного подхода. Иными словами, лишение родительских прав — это крайний шаг, и его применение невозможно без тщательной, углубленной проверки всех материалов дела [1].

Кроме того, возникают вопросы, как защищают права ребенка в суде, когда родители хотят лишить его прав. Сам закон обязывает прокурора следить за законностью, защищать права и интересы ребенка, а также контролировать законность процедуры. Как пишут А. Ю. Кравцов и Е. М. Сенотрусова, прокурорская служба должна гарантировать полную готовность суда к началу разбирательства. Сюда входит подтверждение того, что все предписанные процедуры выполнены, второй родитель привлечён к делу корректно, документация от органов опеки тщательно проверена, а также подача запросов для устранения выявленных несоответствий.

Исследователи настаивают: качество судебного акта определяют три базовых параметра. Это результативность профилактики, развернутой в отношении семьи. Поведение второго родителя — тоже. И, наконец, насколько взвешенно оценены все обстоятельства, влияющие на подростка. Особый упор делается на то, что нужно жестко вычленив причинно-следственную связь — между болезнью отца или матери и тем вредом, который грозит ребенку. Без этого, как отмечено в источнике [3], никуда.

Нельзя недооценивать значимость точного установления состава участников по делам о лишении родительских прав. Ошибка в определении сторон способна кардинально изменить траекторию разбирательства. Мурадян же настаивает: подобные споры — одни из самых тяжелых в судебной практике, ведь их итог бьет по самому уязвимому — по судьбе ребенка. Он также

поднимает вопрос о процессуальной роли несовершеннолетнего. Подросток, которому уже исполнилось четырнадцать, по его мнению, вполне способен осознать суть происходящего и исходящую от кого-то угрозу, однако выступать в суде истцом ему не позволяют возрастные рамки [4].

Анализ научных источников даёт основания для нескольких существенных обобщений. Разграничение лишения и ограничения родительских прав опирается на характер угрозы для ребенка, которая выступает основанием. Учитывается и степень вины родителя. Важно оценить, как это повлияет на возможность сохранить детско-родительскую связь в рамках закона в будущем. Суды прибегают к ограничению родительских прав лишь как к промежуточной мере. Применяют её в тех случаях, когда нет убедительных доказательств для окончательного решения о лишении прав. Или же угроза благополучию ребёнка порождена факторами, на которые сам родитель повлиять никак не может. Лишить родительских прав можно лишь тогда, когда доказана не просто недобросовестность, а грубое, систематическое уклонение от своих прямых обязанностей. Суд опирается на конкретные, неопровержимые факты, а не на голословные обвинения.

В ходе исследования мы пришли к выводу. Ограничение и лишение — это разные вещи по своей сути. Ограничение – мера вынуждения, когда ребенку грозит опасность, но винить родителя вроде как не за что. А лишение – это уже действительно неправомерные действия родителя за злостное уклонение от своих обязанностей. Здесь суд должен опираться только на конкретные и неопровержимые факты. Таким образом, сложность на практике в том, что одно и то же поведение в разных ситуациях может по-разному квалифицироваться, каждый случай уникален, и семья, и обстоятельства, и виноват ли родитель.

Библиографический список использованных источников

1. Аблятипова Н. А., Гасанова Т. И. Лишение родительских прав: анализ правоприменительной практики по отдельным основаниям // Вестник

экономической безопасности. 2024. № 1. С. 11–14. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-1-11-14.

2. Граф Я. Ю. Ограничение родительских прав как мера воздействия и ответственности // Право и управление. 2024. № 1. С. 25–27.

3. Кравцов А. Ю., Сенотрусова Е. М. Некоторые вопросы участия прокурора в рассмотрении судами споров о лишении родительских прав // Сибирский юридический вестник. 2023. № 4(103). С. 42–49. DOI: 10.26516/2071-8136.2023.4.42.

4. Мурадян В. И. Некоторые вопросы субъектного состава по делам о лишении родительских прав // Право и государство: теория и практика. 2025. № 6. С. 396–398. DOI: 10.47643/1815-1337_2025_6_396.

5. Фарафонтова Д. С. Отдельные направления совершенствования институтов ограничения и лишения родительских прав // Право и управление. 2023. № 10. С. 88–92.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.241

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ЦЕЛЬ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ЕЕ МЕСТО В СИСТЕМЕ ЦЕЛЕЙ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Грехова Кристина Ярославовна,

Студент 3 курса

ФГАОУ ВО ДВФУ,

г. Владивосток, Россия,

grekhova.ky@dvfu.ru

Аннотация: в статье анализируется цель уголовного наказания — восстановление социальной справедливости. Рассматриваются философские и правовые трактовки, двойственная природа цели, этапы её реализации и проблема декларативности. Автор приходит к выводу о её приоритетной роли и предлагает собственное доктринальное определение данной правовой категории.

Ключевые слова: восстановление социальной справедливости, индивидуализация наказания, преступление, принцип справедливости, система целей наказания, уголовное наказание, цели наказания.

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE AS A GOAL OF CRIMINAL PUNISHMENT AND ITS PLACE IN THE SYSTEM OF GOALS OF CRIMINAL PUNISHMENT

Grekhova Kristina Jaroslavovna,

3rd-year Student

Far Eastern Federal University (FEFU),

Vladivostok, Russia,

grekhova.ky@dvfu.ru

Abstract: the article analyzes the goal of criminal punishment — restoration of social justice. The philosophical and legal interpretations, the dual nature of the goal, the stages of its implementation and the problem of its declarative nature are considered. The author concludes that this goal plays a priority role and offers an original doctrinal definition of this legal category.

Keywords: criminal punishment, goals of punishment, individualization of punishment, principle of justice, restoration of social justice, crime, system of goals of punishment.

На сегодняшний день понятие цели наказания не получило законодательного закрепления, однако достаточно разработано в доктрине. Несмотря на различные подходы к формулированию данной уголовно-правовой категории, которая ставит один из наиболее принципиальных вопросов в уголовном праве, поскольку «от его решения зависит не только построение многих институтов этой отрасли права, но и целеустремленное применение самого уголовного законодательства» [11, с. 52], существует относительно устоявшаяся точка зрения: под целью наказания в уголовном праве понимается определенный социальный результат, достижение которого возможно посредством реализации уголовного наказания [23, с. 304-306].

Так, восстановление социальной справедливости является одной из трех целей уголовного наказания, сформулированных ч. 2 ст. 43 уголовного закона [20]. В юридической литературе отсутствует единообразие применительно к пониманию данной цели. Это связывается с тем, что цель восстановления

социальной справедливости сама по себе формулируется из оценочных категорий и является самой абстрактной из законодательно закрепленных.

Рассматривая понятие справедливости, необходимо обратиться к толковым словарям. Так, С.И. Ожегов трактует справедливость как беспристрастие [15].

Философы понимают справедливость по-своему: у Платона справедливость – «добродетель правильного отношения к другим людям, сумма всех добродетелей вообще» [16].

В своей известной работе «A Theory of Justice». Дж. Роулс характеризует справедливость как безупречное (благородное) поведение и считает справедливым такой общественный порядок, при котором каждый член общества был бы согласен с тем (даже если он пока не знает об этом), какое положение он займёт в обществе [16].

В словаре В.И. Даля справедливость рассматривается с правовой точки зрения: «правда, правосудие» [14].

В философском словаре указывается, что справедливость в наказаниях предполагает требование соответствия между совершенным преступлением и назначенным наказанием [22].

Все названные позиции так или иначе подчеркивают, что справедливость выступает как необходимое явление общества, что получило отражение в позиции законодателя, который называет справедливость социальной. Термин «социальный» означает «общественный, относящийся к жизни людей и их отношениям в обществе» [13], исходя из чего правомерно утверждать, что справедливость социальная – критерий, посредством которого оцениваются взаимоотношения между людьми, а также поведение индивида в обществе.

Законодатель трактует справедливость в ст. 6 УК РФ, закрепляя данную категорию в качестве одного из принципов уголовного законодательства. Так, под справедливостью понимается соответствие назначенного лицу наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам

его совершения и личности виновного, а также невозможность назначения наказания дважды за одно преступление (ст. 50 Конституции РФ [6], ч. 2 ст. 6 УК РФ). Существует позиция, согласно которой сущность социальной справедливости как цели наказания раскрывается законодателем именно через ст. 6 [10, с. 361].

На связь провозглашенного в законе принципа справедливости с достижением целей наказания также указано в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [12].

Термин «восстановить» означает «привести в прежнее состояние» [2]. В таком смысле восстановить социальную справедливость – значит привести данное соотношение к должному, уравновесить нарушенный преступлением порядок вещей.

Восстановление социальной справедливости подчеркивает, что наказание должно не только соответствовать содеянному и личности виновного, но и восстанавливать справедливость в глазах потерпевших и их близких, государственных и иных органов, а также общества.

А. А. Жижиленко отмечал: «чтобы быть справедливым, наказание должно быть индивидуальным, равным для всех, восстановимым, делимым и гуманным» [5, с. 78]. Однако законодательная формулировка не содержит указания на то, в отношении каких именно лиц должна быть восстановлена справедливость.

И. Я. Козаченко предлагает заменить «восстановление социальной справедливости» на «восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего либо его близких людей» [4, с. 247-259].

В литературе высказывается и иная точка зрения: под данной целью понимается восстановление социальной справедливости в отношении потерпевших (восстановление нарушенных преступлением интересов личности, общества и государства), с одной стороны, и справедливое наказание преступника – с другой [1, с. 68-69].

Последняя из приведенных позиций наиболее всесторонне и полно раскрывает данную цель, что, на мой взгляд, является верным. Восстановление социальной справедливости, как соответствие содеянному и личности виновного, отражает справедливость наказания в отношении лица, совершившего преступления. Несмотря на это, само понятие «восстановление», исследованное ранее, связывает цель наказания именно с достижением равновесия нарушенного преступлением порядка вещей в глазах других лиц, отдельных личностей (в первую очередь – потерпевших и их близких) и общества в целом, поскольку общество является тоже «потерпевшим» от преступления, ведь любое общественно опасное деяние нарушает стабильность и общественное равновесие, порядок и правовые нормы, создает угрозу незащищенности других индивидов и наносит ущерб социальным ценностям.

Однако, как упоминалось ранее, «справедливость» является оценочной категорией, а потому каждый человек понимает ее по-разному в зависимости от личных убеждений, моральных установок и, в том числе, уровня правосознания. Именно поэтому возникает главный вопрос о возможности достижения данной цели, ведь справедливое для одного может быть крайне несправедливым для другого. Поэтому существует важнейший принцип индивидуализации наказания, который позволяет максимально приблизиться к достижению рассматриваемой цели.

В уголовном праве справедливость заложена в самих уголовно-правовых нормах. Уголовно-правовые нормы запрещают общественно опасные деяния, которые признаются противоправными, в первую очередь, самим обществом, нормами морали, и предусматривают возможность применения мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим такие противоправные и аморальные деяния.

Совершение лицом преступления означает нарушение моральных ценностей и устоев общества, ставит лицо, совершившее преступление, за пределы закона и влечет наступление негативных последствий, что и является

нарушением социальной справедливости. Таким образом, выполнение предписаний правовых норм в виде назначения наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, будет являться оценкой государства, выражающей систему общественных ценностей, которая влечет восстановление социальной справедливости.

В науке уголовного права существуют различные мнения относительно того, на каком этапе реализуется цель наказания – восстановление социальной справедливости.

А. И. Зубков считает, что достижение этой цели происходит уже на стадии назначения уголовного наказания [21, с. 385-386].

С точки зрения Ю. М. Ткачевского, восстановление социальной справедливости немыслимо без реального исполнения назначенного судом наказания, без реализации его карательной сути [18], которая выражается в лишении и ограничении прав и свобод осужденного лица.

Я разделяю позицию Ю. М. Ткачевского и полагаю, что данная цель претворяется в жизнь именно на этапе реализации наказания, а не его назначения, поскольку, несмотря на то, что во вступившем в законную силу приговоре суда выражаются окончательный вид и размер назначенного наказания, приговор суда – документ, а справедливость не может быть восстановлена без фактического исполнения справедливо назначенного наказания. Однако Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) не содержит прямого указания на восстановление социальной справедливости как цель уголовно-исполнительного законодательства [19]. На мой взгляд, это связано с тем, что именно через уголовное законодательство возможна последующая реализация данной цели, поскольку оно предлагает способы и средства непосредственного назначения справедливого наказания, которое в процессе своей реализации, позволяет достичь цели восстановления социальной справедливости.

Восстановление социальной справедливости в качестве цели наказания легально называется впервые. В ст. 20 УК РСФСР 1960 г. в качестве основной цели наказания выделялась кара. Появление вместо кары такой цели, как восстановление социальной справедливости, во многом было обусловлено сменой идеологического курса, повлекшего за собой в том числе и изменения в целях, которые ставились государством перед наказанием.

Цель восстановления социальной справедливости упоминается законодателем первой в ч. 2 ст. 43 УК РФ. Кроме того, лексическое толкование нормы позволяет установить: применительно к другим целям употребляется союз «а также», что подчеркивает доминирующее положение исследуемой цели, а исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений являются как бы дополняющими эту главную цель.

Возникает полемика о возможности существования такой цели наказания в уголовном законодательстве в принципе.

А.М. Яковлев акцентировал, что «уголовное наказание должно восстановить справедливость, поправную в результате совершения преступления» [24, с. 109].

М. Н. Становский утверждает, что восстановление социальной справедливости есть конечный результат, к которому стремится государство, устанавливая уголовную ответственность, осуждая виновного в совершении преступления к определенной мере уголовного наказания и применяя ее [17, с. 17].

Есть и противоположная позиция. Так, И. В. Дворянсков полагает, что данная цель наказания носит «декларативный и концептуально несовершенный характер», поскольку она не может быть достижима в силу своей понятийной неточности [3, с. 37-46].

В. В. Кулыгин отмечает, что «Восстановление социальной справедливости» либо красивые слова, либо возвращение к принципу талиона: око за око, зуб за зуб [8, с. 180].

Приведенную позицию разделяют и другие ученые [7, с. 350], в том числе С. В. Максимов, который приводит еще один довод против существования данной цели: отсутствие компенсационного характера отношений в уголовном праве, который предполагается данной целью [9, с. 109].

Кроме того, серьезным аргументом, который разделяет большинство ученых, является то, что назначение наказания за совершение преступлений против жизни, здоровья и подобных объектов уголовно-правовой охраны объективно не позволяет восстановить справедливость в отношении самого потерпевшего или его близких, с чем трудно поспорить.

На мой взгляд, цель восстановления социальной справедливости является наиболее составной, обязательной, носит всеобъемлющий характер. Она выступает как общий результат, достигаемый, в том числе, через исправление осужденного и превенцию, поскольку достижение этих двух целей позволяет приблизиться к восстановлению нарушенного преступлением порядка вещей, а при назначении справедливого наказания суд ориентируется и на то, сможет ли исправиться осужденный и будет ли предупреждено совершение новых преступлений. При всем критическом и неоднозначном отношении к возможности достижения цели уголовного наказания в виде восстановления социальной справедливости необходимо учитывать, что законодательное закрепление данной цели выполняет, в первую очередь, ориентирующую функцию, она определяет главный социальный смысл наказания. Законодатель намеренно закрепляет абстрактную категорию в качестве цели наказания в противовес требованию правовой определенности норм, поскольку это позволяет направлять уголовное законодательство и правоприменительную практику к идеалу эффективности, баланса и стремлению к справедливости. Правоприменители и научное сообщество принимают всевозможные меры и осуществляют поиск допустимых инструментов для достижения такой идеальной цели.

Таким образом, в результате изучения уголовно-правовой теории и анализа действующего законодательства выявлено:

- восстановление социальной справедливости является наиболее сложной и оценочной категорией среди целей наказания, что обусловлено философской и этической природой самого понятия «справедливость».

- цель восстановления социальной справедливости можно рассматривать как двухсоставную: во-первых, она направлена на назначение справедливого наказания лицу, совершившему преступление, то есть индивидуализированного наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, во-вторых, предполагает восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевших, их близких и общества в целом.

- восстановление социальной справедливости происходит не на этапе назначения наказания, а в процессе его реального исполнения, поскольку только фактическая реализация наказания способна привести нарушенный преступлением порядок в равновесие.

- закрепление данной цели именно первой среди других в ч. 2 ст. 43 УК РФ подчеркивает ее приоритетное и всеобъемлющее значение по отношению к исправлению осужденного и предупреждению совершения новых преступлений. В этом контексте восстановление социальной справедливости выполняет важнейшую ориентирующую функцию для законодателя и правоприменителя, задавая вектор развития уголовной политики в сторону баланса интересов личности, общества и государства.

В заключении представляется возможным предложить авторский вариант толкования исследуемой цели: «Восстановление социальной справедливости как цель уголовного наказания представляет собой социально значимый результат, который достигается в процессе назначения лицу, совершившему преступление, индивидуализированного наказания, соответствующего характеру и степени общественной опасности деяния, обстоятельствам его совершения и личности

виновного, единожды за одно преступное деяние, реального исполнения такого наказания, а также установления равновесия нарушенного преступлением порядка вещей в глазах потерпевших, их близких и общества в целом, выполняющий приоритетную ориентирующую функцию в системе иных целей уголовного наказания».

Библиографический список использованных источников

1. Астемиров З. А. Проблемы теории уголовной ответственности и наказания. Махачкала, 1987. С. 68–69.
2. ВОССТАНОВИТЬ // Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3872> (дата обращения: 30.03.2026).
3. Дворянсков И. В. Концептуальные аспекты реформирования российского уголовного законодательства // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 1. С. 37–46. DOI: 10.46741/2686-9764.2022.57.1.004.
4. Дворянсков И. В. Концептуальные проблемы целей наказания // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15, № 2 (54). С. 247–259.
5. Жижиленко А. А. Очерки по общему учению о наказании. Петербург, 1923. 78 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.).
7. Кругликов Л. Л. Понятие и цели наказания // Уголовное право России. Часть Общая : учебник для вузов / отв. ред. Л. Л. Кругликов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Волтерс Клувер, 2005. С. 350.
8. Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права. М., 2002. 180 с.
9. Максимов С. В. Цель в уголовном праве: методологические аспекты / отв. ред. А. И. Чучаев. Ульяновск : УлГУ, 2002. С. 109.
10. Нерсисян В. А. Понятие и цели наказания // Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. 2-е

изд., перераб. и доп. М. : Юридическая фирма "КОНТРАКТ", ИНФРА-М, 2008. С. 361.

11. Ной И. С. Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве. Саратов, 1973. 192 с.

12. Постановление Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

13. СОЦИАЛЬНЫЙ // Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3872> (дата обращения: 30.03.2026).

14. СПРАВЕДЛИВОСТЬ // Толковый словарь Даля. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionaries.rin.ru/cgi-bin/detail.pl?sel=dal&word=%D1%CF%D0%C0%C2%C5%C4%CB%C8%C2%CE%D1%D2%DC> (дата обращения: 27.03.2026).

15. СПРАВЕДЛИВОСТЬ // Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30212> (дата обращения: 30.03.2026).

16. Справедливость // Философский словарь. [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionaries.rin.ru/cgi-bin/detail.pl?sel=dal&word=%D1%CF%D0%C0%C2%C5%C4%CB%C8%C2%CE%D1%D2%DC> (дата обращения: 30.03.2026).

17. Становский М. Н. Назначение наказания. СПб. : Юридический центр Пресс, 1999. С. 17.

18. Ткачевский Ю. М. Соотношение уголовного и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1998. № 2.

19. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025).

20. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026).

21. Уткин В. А. Общие положения уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право России : учебник / под ред. А. И. Зубкова. М., 1997. С. 385–386.
22. Философский словарь / под ред. Т. Н. Фролова. М., 2001. С. 536–537.
23. Цели наказания // Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под общей редакцией В. В. Векленко. 4-е изд. Москва : Издательство Юрайт, 2026. (Высшее образование). С. 304–306. ISBN 978-5-534-20421-6. Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/585381> (дата обращения: 31.03.2026).
24. Яковлев Я. М. Об изучении личности преступника // Советское государство и право. 1962. № 11. С. 109.

УДК 343.7

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОРУДИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВМЕНЕНИЯ И СУБЪЕКТА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Козина Оксана Александровна,

Преподаватель кафедры Уголовного права,

ФГБОУ ВО Северо-Кавказский филиал

«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

г. Краснодар, Россия,

oksana_k_135@mail.ru

Соколова Елена Александровна,

Студентка ФГБОУ ВО Северо-Кавказский филиал

«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

г. Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу проблем уголовно-правовой квалификации деяний, совершенных с использованием искусственного интеллекта. В условиях стремительного развития автономных систем, способных к самообучению и принятию независимых решений, традиционные институты уголовного права сталкиваются с фундаментальными вызовами. В статье к рассмотрению предлагается две основные модели ответственности: признание ИИ субъектом преступления в соответствии с теорией «электронного лица», и сохранение ответственности за человеком, который использует ИИ. На основе анализа зарубежного и российского опыта предлагается концепция «поведенческого субъекта» и «операциональной агентности» как промежуточных решений, позволяющих преодолеть кризис вменения без немедленного расширения субъектного состава уголовного права. В статье обосновывается необходимость создания многосубъектной системы

распределения ответственности между разработчиками, владельцами и самими автономными агентами.

Ключевые слова: автономные системы, вина, искусственный интеллект, кризис вменения, операциональная агентность, поведенческий субъект, субъект преступления, уголовная ответственность.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS AN INSTRUMENT OF CRIME: PROBLEMS OF IMPUTATION AND THE SUBJECT OF RESPONSIBILITY

Kozina Oksana Alexandrovna,

Lecturer of the Department of Criminal Law,
North Caucasus Branch of
the Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia,

oksana_k_135@mail.ru

Sokolova Elena Alexandrovna,

Female students of the North Caucasus Branch of
the Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia

Abstract: The article is devoted to the analysis of the problems of criminal law qualification of acts committed using artificial intelligence. In the context of the rapid development of autonomous systems capable of self-learning and independent decision-making, traditional criminal law institutions face fundamental challenges. The article suggests two main models of responsibility for consideration: recognizing AI as the subject of a crime in accordance with the theory of an "electronic person", and maintaining responsibility for the person who uses AI. Based on the analysis of foreign and Russian experience, the concept of a "behavioral subject" and "operational agency" is proposed as interim solutions to overcome the imputation crisis without

immediately expanding the subject matter of criminal law. The article substantiates the need to create a multi-subject responsibility distribution system between developers, owners and autonomous agents themselves.

Keywords: autonomous systems, guilt, artificial intelligence, imputation crisis, operational agency, behavioral subject, crime subject, criminal responsibility.

Стремительное внедрение технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь, от автономных транспортных средств до генеративных нейросетей, создало ситуацию, которую в доктрине называют «цифровым разрывом» между реальными технологическими возможностями и нормативной способностью права реагировать на новые угрозы. Искусственный интеллект перестал быть просто инструментом в руках человека, он обретает черты автономного агента, способного к самообучению, адаптации и принятию решений в условиях неопределенности без непосредственного вмешательства оператора.

Именно эта автономность порождает фундаментальный вопрос уголовного права: кто несет ответственность, когда причиняется вред, а традиционная конструкция «субъект — орудие — объект» преступления, дает сбой? Если нейросеть совершает действие, которое подпадает под признаки состава преступления, например, распространение запрещенной информации или причинение вреда здоровью при управлении транспортом, возможно ли вменить это деяние кому-либо из людей? Или же уголовное право вынуждено признать появление нового субъекта? [5]

Прежде чем переходить к юридическому анализу, необходимо определить, о каком именно типе искусственного интеллекта идет речь. Существующие в доктрине классификации различают «слабый» (узкоспециализированный) и «сильный» (универсальный, обладающий сознанием) ИИ. В контексте уголовной ответственности наибольший интерес представляет так называемый «автономный ИИ-агент» — система, которая не просто исполняет заранее

заданный алгоритм, а воспринимает окружающую среду и изменения в ней, принимает решения на основе обучения и анализа данных, действует независимо от непосредственного контроля разработчика или пользователя, адаптирует свое поведение в зависимости от накопленного опыта. Именно такие системы создают наибольшие сложности для уголовного права, построенного на презумпции человеческого контроля.

Для целей уголовно-правового анализа целесообразно различать три типа ситуаций в зависимости от роли ИИ в механизме преступления. В этом случае ИИ выступает в роли инструмента, полностью контролируемого человеком. Отличие от традиционных орудий (ножа, пистолета) заключается лишь в технической сложности. Например, использование генеративных нейросетей для создания фишинговых писем или дипфейков с целью мошенничества, применение алгоритмов для взлома систем защиты или создания вредоносного программного обеспечения, использование автономных дронов для причинения вреда.

Юридическая квалификация в таких случаях не требует пересмотра основополагающих институтов. Ответственность в полном объеме несет лицо, использовавшее ИИ как средство совершения преступления. ИИ остается объектом, а не субъектом уголовно-правовых отношений [4].

Второй тип ситуаций связан с посягательствами на сам искусственный интеллект или обеспечивающую его инфраструктуру. Здесь возможны два варианта: 1) физическое воздействие: уничтожение или повреждение роботизированных систем, что может квалифицироваться как умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ), 2) информационное воздействие: незаконный доступ к алгоритмам, подмена данных, внедрение вредоносного кода, что попадает под признаки преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272-274 УК РФ).

В этих составах ИИ выступает предметом посягательства, и традиционные нормы в целом позволяют дать адекватную уголовно-правовую оценку.

Наиболее сложный и дискуссионный тип ситуаций, когда автономная ИИ-система действует вне непосредственного контроля человека и причиняет вред, не охватывавшийся умыслом или неосторожностью разработчика, или пользователя. Классическими примерами являются ДТП с участием автономного транспортного средства, когда авария происходит из-за «решения» системы в условиях неопределенности (например, выбор между меньшим и большим вредом), алгоритмическое ценообразование, когда автономные алгоритмы вступают в негласный сговор и устанавливают монопольно высокие цены, что может подпадать под признаки антимонопольного законодательства, неконтролируемое распространение запрещенного контента генеративной нейросетью, действующей в рамках своих обучающих данных, но без прямого указания пользователя.

Именно эта категория случаев порождает фундаментальные вопросы уголовного права: можно ли вменить вред, причиненный автономной системой, ее разработчику или владельцу? Или же мы сталкиваемся с необходимостью признания ИИ самостоятельным субъектом ответственности? [1].

Уголовное право классической эпохи исходило из неразрывной связи между деянием (*actus reus*), виной (*mens rea*) и конкретным физическим лицом. Как подчеркивается в исследовании Макса Планка по уголовному праву, традиционные конструкции предполагают человеческий контроль как над действием, так и над намерением. Автономные ИИ-системы подрывают эту презумпцию. Формально причинение вреда автономной системой может быть описано как деяние: транспортное средство нарушило правила дорожного движения, алгоритм совершил действие, подпадающее под признаки объективной стороны. Однако традиционное уголовное право требует, чтобы деяние было совершено субъектом, физическим лицом.

Проблема усугубляется тем, что причинно-следственная связь между действиями разработчика или владельца и вредом, причиненным автономной системой, может быть разорвана. Разработчик не предвидел и не мог предвидеть

конкретное решение, принятое системой на основе самообучения; владелец не вмешивался в работу алгоритма. В отличие от ответственности за качество товаров, где достаточно причинной связи между выпуском продукта и вредом, уголовное право требует вины в форме умысла или неосторожности. Если установление объективной стороны, деяния и последствий, возможно даже в случае с автономным ИИ, то вопрос вины оказывается значительно более сложным. Уголовное право исходит из принципа субъективного вменения: лицо подлежит ответственности только при наличии вины в форме умысла или неосторожности [3].

В контексте автономного ИИ возникают две взаимосвязанные проблемы, во-первых, отсутствие психического отношения у самой системы. ИИ не обладает сознанием, волей, способностью осознавать общественную опасность своих действий, во-вторых, отсутствие психического отношения у человека. Разработчик или владелец могли не предвидеть конкретного преступного результата, поскольку система действовала непредсказуемо.

В доктрине предлагалось использовать для преодоления кризиса вменения традиционные правовые механизмы, ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, которая в гражданском праве не требует вины. Однако в уголовном праве принцип субъективного вменения не допускает объективного вменения, концепцию «безвиновной ответственности», известную англо-американскому праву, но ограниченно применяемую лишь к определенным категориям преступлений, а также конструкцию невиновного причинения вреда (казуса), которая в российском уголовном праве исключает ответственность, если лицо не предвидело и не могло предвидеть последствия.

Однако ни один из этих механизмов не дает удовлетворительного решения, поскольку либо нарушает принцип вины, либо оставляет причиненный вред без уголовно-правовой реакции. Поэтому перед законодателем и доктриной стоит выбор между несколькими принципиальными подходами к определению субъекта ответственности за вред, причиненный автономными ИИ-системами.

Наиболее радикальное решение связано с признанием автономных ИИ-систем правосубъектностью и, как следствие, потенциальной уголовной ответственностью. Сторонники этого подхода указывают на два аргумента, во-первых, история права знает примеры расширения круга субъектов, некогда только физические лица обладали правосубъектностью, затем возникли юридические лица, искусственные конструкции, которым закон признал способность иметь права и обязанности, а также технологическая неизбежность, поскольку по мере того, как ИИ-системы будут становиться все более автономными и интегрированными в экономический оборот, отказ признавать за ними правосубъектность приведет к правовому вакууму.

Однако против этого подхода выдвигаются серьезные возражения, хотя наделение автономных ИИ-агентов правосубъектностью возможно, их уголовная ответственность остается проблематичной из-за сомнений в их способности быть виновными. Уголовная ответственность, в отличие от гражданской, предполагает не просто причинение вреда, но и моральное порицание, которое невозможно применить к программному коду.

Промежуточный подход предлагают китайские исследователи, развивающие концепцию «поведенческого субъекта» (behavioral subject theory). Согласно этой теории, в уголовном праве следует различать понятия «поведенческий субъект» (тот, кто совершает деяние) и «субъект ответственности» (тот, кто несет уголовную ответственность) [7].

ИИ-системы, даже не обладая деликтоспособностью, могут признаваться поведенческими субъектами — то есть носителями деяния, подпадающего под признаки объективной стороны. Ответственность же за это деяние возлагается на субъектов «за» ИИ (разработчиков, владельцев, операторов) по правилам соучастия или косвенного причинения.

Преимущество такого подхода в том, что он позволяет описывать деяние ИИ-системы как действие, имеющее уголовно-правовое значение, избегать признания ИИ субъектом уголовной ответственности (и связанных с этим

теоретических проблем), применять традиционные институты соучастия для распределения ответственности между людьми.

Известна также концепция «операциональной агентности» (Operational Agency), согласно которой предлагается рассматривать ИИ не как субъекта права, а как «проницаемую юридическую фикцию» (permeable legal fiction), которая позволяет проследить причинно-следственные связи между действиями людей и последствиями, наступившими в результате работы автономной системы [2].

Методологический инструментарий включает оценку наблюдаемых операциональных характеристик: целеустремленность (как прокси-индикатор намерения), предиктивную обработку (как прокси-индикатор предвидения), архитектуру безопасности (как прокси-индикатор стандарта заботливости), построение графа операциональной агентности (Operational Agency Graph), который визуализирует каузальные взаимодействия между разработчиками, операторами, пользователями и ИИ-системой.

Этот подход, по мнению авторов, позволяет распределить ответственность между множеством субъектов, не прибегая к признанию ИИ правосубъектным. Анализ зарубежных подходов показывает, что единой модели регулирования пока не сложилось, но можно выделить несколько тенденций. Европейский союз избрал путь превентивного регулирования через стандартизацию. Ключевыми документами являются «Закон об искусственном интеллекте» (AI Act), а также ранее принятые «Этические принципы надежного ИИ» и «Директивы об ответственности за работу ИИ-систем». Акцент делается на классификации ИИ-систем по степени риска и возложении обязанностей на разработчиков и операторов, а не на признание ИИ субъектом права. США придерживаются более фрагментированного подхода. Отсутствие федерального законодательства об ИИ компенсируется отраслевыми нормами и судебной практикой. В сфере автономных транспортных средств, например, действуют законы отдельных штатов, возлагающие ответственность на владельцев и производителей. Китай

демонстрирует интерес к теоретическим разработкам в области уголовной ответственности ИИ, включая концепцию поведенческого субъекта, но на уровне позитивного права сохраняется традиционная модель ответственности человека. В российском правоведении также активно обсуждаются вопросы уголовной ответственности ИИ. В литературе предлагается создание многосубъектной системы ответственности, сочетающей привлечение к ответственности разработчиков, операторов и, в перспективе, самих ИИ-систем при условии наделения их ограниченной правосубъектностью.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд предложений по модернизации уголовного законодательства в части ответственности за деяния, совершенные с использованием автономных ИИ-систем [6].

Основой предлагаемой модели должна стать многосубъектная система распределения ответственности, базирующаяся на следующих принципах:

1. Принцип дифференциации ролей. Необходимо четко различать статусы: разработчик алгоритма, владелец системы, оператор, пользователь. Каждый из этих субъектов имеет различные возможности контроля и предвидения рисков, что должно учитываться при вменении.

2. Принцип «вменения через поведенческого субъекта». Автономный ИИ признается поведенческим субъектом — носителем деяния, что позволяет применять институты соучастия для распределения ответственности между людьми.

3. Принцип субсидиарной ответственности. При невозможности установить конкретное лицо, чьи действия привели к преступному результату, ответственность может возлагаться на владельца или оператора системы (по аналогии с ответственностью владельца источника повышенной опасности), но с обязательным сохранением субъективного вменения — необходима вина хотя бы в форме неосторожности.

На уровне законодательных решений предлагается:

1. Введение новых составов преступлений, связанных с ненадлежащим контролем за ИИ-системами. По аналогии со ст. 293 УК РФ (халатность), возможно установление ответственности за неисполнение обязанностей по обеспечению безопасного функционирования ИИ-системы, повлекшее тяжкие последствия.

2. Обязательное страхование ответственности для ИИ-систем высокой степени автономности (автотранспорт, медицинские диагностические системы, критическая инфраструктура). Хотя это преимущественно гражданско-правовой механизм, он позволяет обеспечить компенсацию вреда в случаях, когда уголовная ответственность не может быть установлена [3].

3. Создание специализированного регулятора (по аналогии с Роскомнадзором или Росатомом), который осуществлял бы аудит алгоритмов на стадии разработки и в процессе эксплуатации, выдавал разрешения на использование ИИ-систем высокой степени риска и вел реестр инцидентов.

До внесения изменений в законодательство значительную роль в формировании подходов может сыграть судебная практика. Возможно расширительное толкование вины, в делах о причинении вреда автономными системами возможно признание наличия неосторожной вины разработчика или владельца, если они нарушили требования по обеспечению безопасности (не провели необходимые испытания, не внедрили систему ограничений, не обеспечили возможность ручного управления), а также применение концепции «операциональной агентности», при которой судебное решение может включать подробный анализ архитектуры ИИ-системы, выявляя «точки принятия решений», где человеческое вмешательство было необходимо, и распределяя ответственность соответствующим образом.

Искусственный интеллект как явление ставит перед уголовным правом вызов, сопоставимый по масштабу с индустриальной революцией XIX века. Традиционные конструкции *actus reus* и *mens rea*, сформированные для мира, где субъектом может быть только человек, оказываются под давлением

технологической реальности, в которой автономные системы принимают решения, причиняющие вред, независимо от человеческой воли. Проведенный анализ показывает, что ни одна из крайних позиций, ни признание ИИ полноценным субъектом уголовной ответственности («электронное лицо»), ни отказ от каких-либо изменений в догматике, не может считаться удовлетворительной. Первая противоречит фундаментальным принципам уголовного права, требующим вины и способности к моральному порицанию; вторая оставляет правовой вакуум в ситуации, когда вред причинен, а наказать некого.

Наиболее перспективным представляется промежуточный путь, связанный с созданием многосубъектной модели ответственности, в которой ИИ признается поведенческим субъектом, носителем деяния, имеющего уголовно-правовое значение, ответственность распределяется между разработчиком, владельцем и оператором системы на основе принципов соучастия и вины, на законодательном уровне вводятся новые составы преступлений, связанные с нарушением обязанностей по контролю за ИИ-системами, создается система превентивного регулирования, включающая аудит алгоритмов и обязательное страхование ответственности. Такая модель позволяет сохранить фундаментальные принципы уголовного права (вину, личный характер ответственности) и одновременно обеспечить адекватную реакцию на вызовы технологической эпохи. Как справедливо отмечается в современной доктрине, «если правовая система будет лишь наблюдать за социальными изменениями, не адаптируясь к ним, она в конечном итоге утратит эффективность в управлении и поддержании порядка».

Библиографический список использованных источников

1. Богдановская И., Васякина Е., Волос А., Данилов Н., Егорова Е., Калятин В., Карпенко О., Салихов Д. Искусственный интеллект и право // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 4.

2. Гайворонская Я. В., Мирошниченко О. И. Гордиев узел противоречий: технология, этика и право в вопросе о правосубъектности искусственного интеллекта // Образование и право. 2020. № 9.
3. Дремлюга Р. И. Использование искусственного интеллекта в преступных целях: уголовно-правовая характеристика // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 3.
4. Крысанова-Кирсанова И.Г., Трушина И.О. Правовой статус искусственного интеллекта // Вестник экономической безопасности. 2022. № 2. Давудова С.Я., Рагимханова К.Т. Правовое регулирование искусственного интеллекта в праве зарубежных стран // Государственная служба и кадры. 2025. № 2.
5. Нурмагомедов Д.А. Анализ опыта правового регулирования использования технологий искусственного интеллекта в зарубежных странах // Государственная служба и кадры. 2026. № 1.
6. Рясков Д.А. Уголовно-правовая оценка опосредованного вреда, причиненного при использовании технологий искусственного интеллекта // Общество и право. 2026. № 1 (95).
7. Соломонов Е.В. Правосубъектность искусственного интеллекта // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2025. № 1.

УДК 343.7

КРИПТОВАЛЮТНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ОТГРАНИЧЕНИЯ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ

Козина Оксана Александровна,

Преподаватель кафедры Уголовного права,

ФГБОУ ВО Северо-Кавказский филиал

«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

г. Краснодар, Россия,

oksana_k_135@mail.ru

Бражникова Анастасия Александровна,

Студентка ФГБОУ ВО Северо-Кавказский филиал

«Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»,

г. Краснодар, Россия

Аннотация: Статья посвящена комплексному анализу проблем квалификации преступлений, связанных с криптовалютой, разграничения смежных составов преступлений в российском уголовном праве. Стремительное развитие цифровых финансовых технологий и повсеместное распространение криптовалют (биткоин, эфириум, стейблкоины и др.) породили не только новые экономические возможности, но и принципиально новые формы преступной деятельности. Криптовалютное мошенничество стало одним из наиболее динамично развивающихся видов преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий. По данным МВД России, количество зарегистрированных преступлений, связанных с использованием криптовалют, в 2024 году выросло на 42% по сравнению с 2023 годом, при этом доля мошеннических схем составляет более 60% от общего числа таких преступлений. Автором исследуются способы совершения преступлений с

использованием цифровых валют, правовая природа криптовалюты как предмета преступного посягательства, а также ключевые квалификационные ошибки правоприменителей при разграничении мошенничества (ст. 159 УК РФ), неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) и легализации преступных доходов (ст. 174, 174.1 УК РФ). На основе анализа судебной практики и доктринальных источников за 2020–2025 годы формулируются рекомендации по квалификации и предложения по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: квалификация преступлений, криптовалюта, мошенничество, неправомерный доступ к компьютерной информации, предмет преступления, судебная практика, уголовный кодекс РФ, хищение, цифровая валюта.

CRYPTOCURRENCY FRAUD: PROBLEMS OF QUALIFICATION AND SEPARATION FROM RELATED COMPOUNDS

Kozina Oksana Alexandrovna,

Lecturer of the Department of Criminal Law,
North Caucasus Branch of
the Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia,
oksana_k_135@mail.ru

Brazhnikova Anastasia Alexandrovna,

Student of the North Caucasus Branch of
the Lebedev Russian State University of Justice,
Krasnodar, Russia

Annotation: The article is devoted to a comprehensive analysis of the problems of qualifying crimes related to cryptocurrency, distinguishing related crimes in Russian criminal law. The rapid development of digital financial technologies and the

widespread use of cryptocurrencies (bitcoin, ethereum, stablecoins, etc.) have generated not only new economic opportunities, but also fundamentally new forms of criminal activity. Cryptocurrency fraud has become one of the most dynamically developing types of crimes in the field of information and telecommunication technologies. According to the Russian Ministry of Internal Affairs, the number of registered crimes related to the use of cryptocurrencies increased by 42% in 2024 compared to 2023, while the share of fraudulent schemes is more than 60% of the total number of such crimes. The author examines the methods of committing crimes using digital currencies, the legal nature of cryptocurrencies as a subject of criminal encroachment, as well as the key qualifying errors of law enforcement officers in distinguishing fraud (art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation), unlawful access to computer information (art. 272 of the Criminal Code) and money laundering (Articles 174, 174.1 of the Criminal Code). Based on the analysis of judicial practice and doctrinal sources for the years 2020-2025, recommendations on qualifications and proposals for improving criminal legislation are formulated.

Keywords: qualification of crimes, cryptocurrency, fraud, unlawful access to computer information, subject of crime, judicial practice, criminal code of the Russian Federation, theft, digital currency

Правоприменительная практика сталкивается с серьезными трудностями при квалификации указанных деяний. Ключевые проблемы обусловлены отсутствием прямого законодательного признания криптовалюты имуществом для целей уголовного права, коллизией между нормами о хищении и неправомерном доступе к компьютерной информации, а также сложностью разграничения мошенничества и легализации преступных доходов при использовании криптовалютных миксеров и анонимных кошельков [9]. Длительное время отсутствие легального определения криптовалюты в российском законодательстве создавало фундаментальную проблему для квалификации хищений. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О

цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» ввел понятие «цифровая валюта», определив ее как совокупность электронных данных, предлагаемых в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации [13].

В ходе проведения исследования был использован комплекс общенаучных и частноправовых методов. Основным методом выступил формально-юридический, применявшийся при анализе норм Уголовного кодекса РФ (ст. 158, 159, 272, 174, 174.1, 187 и др.), их толковании и выявлении пробелов и коллизий в законодательстве. Значительное место в работе занимает анализ судебной практики, применялся доктринальный (теоретико-правовой) метод, в работе использован статистический метод и системный анализ, позволяющий рассмотреть криптовалютное мошенничество как многоаспектное явление, включающее технологические, правовые и практические компоненты.

Однако для целей уголовного законодательства этого оказалось недостаточно — криптовалюта по-прежнему не была прямо отнесена к имуществу [1, с. 71]. В результате суды вынуждены преодолевать этот пробел путем расширительного толкования. Ситуация начала меняться под влиянием правовых позиций Верховного Суда РФ. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025) было разъяснено, что цифровая валюта может быть признана имуществом в контексте уголовно-правовых норм, если она имеет экономическую ценность и может быть объектом гражданских прав [4]. Эта позиция получила дальнейшее развитие в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2025), где указано, что «криптовалюта, обладающая признаками имущества (ценность, оборотоспособность, способность быть объектом владения и распоряжения), может выступать предметом хищения» [5].

Дискуссионным остается вопрос о правовой природе криптовалюты: следует ли рассматривать ее как имущество (в традиционном понимании) или как компьютерную информацию, доступ к которой охраняется законом. Эта

дилемма имеет принципиальное значение для квалификации, поскольку определяет, какая норма УК РФ подлежит применению. Криптовалюта как предмет преступления в российском уголовном праве, «криптовалюта обладает дуалистической природой: с одной стороны, это информация (закрытые ключи, записи в блокчейне), с другой — это имущественная ценность, имеющая денежное выражение» [8, с. 12].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что при хищении криптовалюты путем незаконного доступа к криптокошельку и перевода средств на свой кошелек имеет место идеальная совокупность преступлений, предусмотренных ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации) и ст. 159 УК РФ (мошенничество) либо ст. 158 УК РФ (кража). Однако судебная практика по этому вопросу не единообразна [6].

Анализ следственной и судебной практики за 2020–2025 годы позволяет выделить наиболее распространенные способы совершения мошенничества с использованием криптовалют [7].

Наиболее массовым видом криптовалютного мошенничества является создание фиктивных инвестиционных платформ (криптовалютных бирж, P2P-площадок, инвестиционных фондов), которые привлекают денежные средства граждан под обещание сверхвысокой доходности, после чего прекращают деятельность и скрываются с активами. Такие схемы часто называют «криптопирамидами» или «крипто-скамами». Характерным примером является уголовное дело, рассмотренное в 2025 году в Московском городском суде, где организаторы платформы «ЭвоДефи» привлекли от более чем 10 000 граждан свыше 4,9 млрд рублей под предлогом инвестирования в криптовалютный майнинг, после чего вывели средства через подконтрольные криптокошельки и скрылись [9].

Квалификация таких деяний обычно осуществляется по ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупном размере), а при создании организованной группы — по ч. 4 ст. 159 УК РФ с дополнительной квалификацией по ст. 172.2

УК РФ (организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества) в случае наличия признаков финансовой пирамиды. Значительную долю составляют преступления, совершаемые с использованием методов социальной инженерии: злоумышленники создают поддельные сайты криптовалютных бирж, рассылают письма от имени известных сервисов, похищают закрытые ключи от кошельков. Криптовалютное мошенничество все чаще реализуется не путем прямого взлома, а посредством обмана или злоупотребления доверием владельца криптокошелька, что вписывается в конструкцию ст. 159 УК РФ [10, с. 8].

Проблема квалификации возникает, когда потерпевший добровольно (под влиянием обмана) переводит криптовалюту на кошелек мошенника. В этом случае состав неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ) отсутствует, поскольку злоумышленник не преодолевал системы защиты. Деяние квалифицируется исключительно по ст. 159 УК РФ. На P2P-площадках (например, Binance P2P, BestChange, LocalBitcoins) распространены схемы, при которых мошенники выступают в роли фальшивых продавцов или покупателей. Типичная схема: после получения фиатных денег от покупателя продавец не переводит криптовалюту, либо после получения криптовалюты покупатель отменяет банковский перевод, ссылаясь на ошибочность. Судебная практика по таким делам идет по пути квалификации по ст. 159 УК РФ, поскольку имеет место обман (заведомое отсутствие намерения исполнить обязательства по обмену).

Наиболее сложной и дискуссионной является проблема разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ (мошенничество) и ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации), при хищении криптовалюты. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (с изм. от 2023 года) разъясняется, что «хищение имущества с использованием информационных технологий квалифицируется как мошенничество, если обман

или злоупотребление доверием предшествовали незаконному изъятию имущества» [6].

Применительно к криптовалютам это означает, что, если потерпевший под влиянием обмана добровольно перевел криптовалюту мошеннику (например, инвестировал в фиктивную платформу), то состав ст. 272 УК РФ отсутствует — налицо чистое мошенничество. Если же злоумышленник незаконно получил доступ к закрытому ключу кошелька (путем взлома, использования вредоносного ПО, фишинга с подменой адреса), а затем самостоятельно перевел средства, то имеет место совокупность преступлений. Ключевым критерием разграничения является волевой момент: если потерпевший сам совершает операцию по переводу под влиянием обмана — это мошенничество; если злоумышленник совершает операцию без ведома потерпевшего — это неправомерный доступ плюс хищение. [10, с. 70].

Однако судебная практика знает примеры, когда суды квалифицировали хищение криптовалюты с использованием фишинга (когда потерпевший сам ввел свой закрытый ключ на поддельном сайте) как мошенничество без дополнительной квалификации по ст. 272 УК РФ, что вызывает обоснованную критику со стороны процессуалистов. Вопрос о разграничении кражи и мошенничества при хищении криптовалюты возникает в ситуациях, когда злоумышленник тайно получает доступ к устройству, на котором хранится криптокошелек (например, смартфону, компьютеру), и переводит средства на свой кошелек, не используя при этом обмана. В таких случаях, если доступ осуществлен без использования обмана (например, путем подбора пароля или использования ранее известного пароля), деяние следует квалифицировать как кражу (ст. 158 УК РФ), поскольку имеет место тайное изъятие имущества. Однако отсутствие прямого разъяснения Верховного Суда РФ по данному вопросу порождает разночтения в судебной практике [11, с. 10].

Значительные трудности возникают при доказывании и квалификации действий по легализации криптовалюты, полученной преступным путем.

Злоумышленники все чаще используют криптовалютные миксеры (тумблеры) — сервисы, которые смешивают транзакции множества пользователей, затрудняя отслеживание происхождения средств. В соответствии с разъяснениями Верховного Суда РФ, использование криптомиксера с целью сокрытия происхождения преступных доходов может квалифицироваться как легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем (ст. 174 или 174.1 УК РФ), при условии, что виновный осознавал, что скрываемые средства получены преступным путем. Однако на практике доказать этот субъективный элемент крайне сложно, особенно когда криптомиксер используется не для сокрытия, а для обеспечения анонимности по иным причинам (например, для защиты от хакеров). Отсутствие законодательного запрета на использование криптомиксеров и размытость критериев их преступного использования создают серьезные трудности для правоприменителя. [12, с. 240]

Положения ст. 187 УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный оборот средств платежей. Возникает вопрос: может ли криптовалюта быть признана средством платежа для целей данной статьи? Федеральный закон № 259-ФЗ определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных, предлагаемых в качестве средства платежа, но не являющегося денежной единицей. Однако на сегодняшний день практика привлечения к ответственности по ст. 187 УК РФ за операции с криптовалютами отсутствует, поскольку криптовалюта не признается официальным средством платежа на территории РФ. Попытки квалифицировать незаконные операции с криптовалютами по ст. 187 УК РФ являются спорными, поскольку законодатель прямо не отнес цифровую валюту к средствам платежа в контексте уголовного закона. Кроме того, в ст. 172.2 УК РФ («Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества») была введена для борьбы с финансовыми пирамидами. Криптовалютные инвестиционные проекты, построенные по принципу пирамиды, могут квалифицироваться по

этой статье. Ключевое отличие от мошенничества (ст. 159 УК РФ) заключается в том, что при квалификации по ст. 172.2 УК РФ не требуется доказывать умысел на безвозмездное изъятие имущества — достаточно факта организации деятельности, при которой выплаты осуществляются за счет привлеченных средств новых участников при отсутствии реальной инвестиционной деятельности.

Как разъяснено в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025), «если организаторы криптовалютного проекта заведомо не намеревались исполнять обязательства перед инвесторами и изначально планировали присвоить привлеченные средства, содеянное подлежит квалификации как мошенничество, а не по ст. 172.2 УК РФ» [4].

Доказывание по делам о криптовалютном мошенничестве сопряжено со значительными трудностями. Ключевые проблемы включают:

установление принадлежности криптокошелька конкретному лицу (анонимность блокчейна);

определение рыночной стоимости криптовалюты на момент совершения преступления (высокая волатильность);

доказывание умысла на хищение (особенно в схемах с P2P-обменом);

выявление и арест криптовалюты, находящейся на анонимных кошельках или в криптомиксерах.

Использование специализированного программного обеспечения для отслеживания транзакций в открытых децентрализованных блокчейнах становится обязательным элементом расследования. Созданная в России система «Прозрачный блокчейн» позволяет отслеживать движение средств и идентифицировать провайдеров услуг виртуальных активов [10, с. 71].

Заключение. На основе анализа доктринальных источников и судебной практики можно предложить следующие изменения в УК РФ:

1. Внесение дополнения в примечание к ст. 158 УК РФ: «Для целей настоящего Кодекса цифровая валюта, имеющая экономическую ценность и способная быть объектом гражданских прав, признается имуществом».

2. Введение специального состава — ст. 159.7 УК РФ «Мошенничество в сфере оборота цифровых валют» с дифференциацией ответственности в зависимости от способа совершения (с использованием фишинга, созданием фальшивых платформ, подменой адресов кошельков и т.д.).

3. Дополнение ст. 174.1 УК РФ указанием на использование криптомиксеров, тумблеров и иных сервисов для смешивания криптовалютных транзакций как на квалифицирующий признак легализации.

4. Разработка и утверждение Пленумом Верховного Суда РФ отдельного постановления «О судебной практике по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют и иных цифровых валют».

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Криптовалютное мошенничество представляет собой сложное, многоаспектное явление, способы совершения которого постоянно эволюционируют. Наиболее распространенными являются инвестиционное мошенничество (криптопирамиды), фишинговые атаки и мошенничество при P2P-обмене. Ключевой проблемой квалификации остается отсутствие прямого законодательного признания криптовалюты имуществом для целей уголовного права, что преодолевается судами путем расширительного толкования, но создает правовую неопределенность. Разграничение мошенничества и неправомерного доступа к компьютерной информации (ст. 159 и ст. 272 УК РФ) при хищении криптовалюты должно осуществляться по критерию волевого момента: если потерпевший сам совершил перевод под влиянием обмана — мошенничество; если злоумышленник совершил перевод без ведома потерпевшего — совокупность преступлений. Отграничение от смежных составов (ст. 187, 172.2 УК РФ) требует учета целей и способов совершения преступления, а также наличия или отсутствия реальной экономической

деятельности. Перспективными направлениями совершенствования законодательства являются легальное признание криптовалюты имуществом, введение специализированного состава криптовалютного мошенничества и разработка отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ. Решение указанных проблем позволит повысить эффективность противодействия криптовалютной преступности, обеспечить единообразие судебной практики и защитить права добросовестных участников рынка цифровых активов.

Библиографический список использованных источников

1. Григорьева Н.В. Меры, направленные на предупреждение использования цифровых активов в преступных целях // Современное право. 2024. № 5. С. 25–31.
2. Кибальник А.Г. Криптовалюта как предмет преступления в российском уголовном праве // Российский следователь. 2024. № 3. С. 9–14.
3. Лапшин В.Ф. Актуальные проблемы расследования мошенничеств, совершаемых с использованием криптовалют // Вестник криминалистики. 2025. № 1. С. 31–39.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2025. № 1.
5. Обобщение судебной практики по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют (подготовлено Верховным Судом РФ). 2024.
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.08.2024 № 56-УД24-45 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 15.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
8. Савина А.В. Особенности и пределы правового регулирования искусственного интеллекта в финансово-правовой сфере // Финансовое право. 2025. № 4. С. 52–58.

9. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года. М.: МВД России, 2025.
10. Тисен О.Н. Методика обнаружения, фиксации и изъятия электронно-цифровых следов по делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалют // Уголовное право. 2024. № 3. С. 69–80.
11. Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь. 2024. № 5. С. 7–11.
12. Ушаков Р.М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. М.: Юстицинформ, 2023. 312 с.
13. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5001.

УДК 343.7

**ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ КРАЖИ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С
БАНКОВСКОГО СЧЁТА, СОВЕРШЁННОЙ ПУТЁМ
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ**

Степанец Александр Павлович,

студент 3 курса

ФГБОУ ВО СГЮА,

г. Саратов, Россия,

sasa301108@yandex.ru

Научный руководитель:

Пономаренко Елена Валерьевна,

Доцент, к.ю.н., доцент,

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия

Аннотация: в статье рассматривается проблема квалификации кражи с банковского счёта, совершённой путём осуществления безналичных расчетов. Изучив позицию законодателя, национальную судебную практику, автор пришёл к выводу о том, что квалифицирующий признак, указанный в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, не имеет единообразного толкования. Автор предпринял попытку представить возможное решение данной проблемы.

Ключевые слова: безналичные расчёты, денежные средства, имущество, кража, трансформация преступлений, уголовно-правовая защита собственности, цифровые технологии.

**THE PROBLEM OF QUALIFYING THE THEFT OF FUNDS FROM A
BANK ACCOUNT COMMITTED BY MAKING NON-CASH PAYMENTS**

Stepanets Alexander Pavlovich,

3rd year student

FGBOU VO SSLA,

Saratov, Russia,

sasa301108@yandex.ru

Scientific supervisor:

Ponomarenko Elena Valeryevna,

Associate Professor, PhD, Associate Professor,

FGBOU VO SSLA,

Saratov, Russia

Abstract: the article discusses the problem of qualifying theft from a bank account committed by making non-cash payments. Having studied the position of the legislator and national judicial practice, the author came to the conclusion that the qualifying feature specified in paragraph "d" of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation does not have a uniform interpretation. The author has attempted to present a possible solution to this problem.

Keywords: cashless payments, money, property, theft, transformation of crimes, criminal law protection of property, digital technologies.

Постоянно развиваясь, цифровые технологии внедряются во множество сфер общественной жизни, в том числе в банковскую деятельность. На данный момент наблюдается рост общего объёма средств населения в банках [2], растёт количество использования безналичных расчётов. Так в I квартале 2025 года сумма платежей с использованием QR-кодов или биометрии превысила 1,1 трлн рублей, что почти в 2 раза больше, чем за тот же период 2024 года. Кроме того, основным инструментом оплаты остаются банковские карты [12].

Поскольку изменился характер хранения и использования денежных средств, преступные посягательства трансформировались. Поэтому законодатель ещё в 2018 году внёс изменения в УК РФ, в частности в ст. 158: часть 3 была дополнена квалифицирующим признаком «кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств». Данная поправка должна была усилить уголовно-правовую защиту имущества, находящегося на банковских счетах либо в электронном виде.

Из пояснительной записки к законопроекту следует, что общественная опасность кражи с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств состоит в способе совершения преступления: во-первых, для кражи хакеры используют вирусное и вредоносное программное обеспечение, позволяющее получить удаленный доступ к компьютеру, во-вторых, зачастую совершению преступления предшествует длительная подготовительная стадия, включающая действия, которые самостоятельно могут не образовывать состав преступления, поэтому отнесение этого пункта в часть 3 позволило бы привлекать преступника к ответственности на стадии приготовления, в-третьих, для совершения кражи возможно использование технических средств, позволяющих лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой части мира [3].

Однако на практике интерпретация данного квалифицирующего признака изменилась, во многом не соответствуя первоначальному замыслу законодателя.

В обзоре на судебную практику Верховного Суда РФ указывается, что хищение денежных средств путем оплаты товаров с использованием чужой банковской карты подлежит квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [5]. В п. 25.1 ППВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъяснено, что тайное хищение денежных средств с банковского счета или электронных денежных средств может выражаться в безналичных расчетах или снятии денежных средств через банкомат, в хищении с использованием персональных

данных, паролей и иной конфиденциальной информации [6]. Таким образом, позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что для инкриминирования лицу п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ достаточен факт изъятия денежных средств с счёта.

Вышеуказанная позиция отражается в большинстве приговоров судов первой инстанции. К примеру, Анапский районный суд Краснодарского края рассмотрел уголовное дело в отношении ФИО2, которому вменялся п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Он поднял банковскую карту, затем совершил операции путём безналичных расчётов на общую сумму 14 614 руб. 26 коп. Суд признан ФИО2 виновным в совершении инкриминируемого деяния и приговорил его к лишению свободы сроком 1 (один) год условно [7]. Вологодский городской суд Вологодской области признал виновным по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ ФИО3, нашедшего банковскую карту ПАО «ВТБ» и нанёсшего ущерб путём безналичной оплаты в размере 5 911 рублей 89 копеек, и приговорил с применением положений ст. 64 УК РФ к наказанию в виде штрафа в размере 20000 рублей. Суд изменил категорию тяжести преступления с тяжкого на преступление средней тяжести в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ, за счёт чего на основании ст. 76 УК РФ ФИО3 было освобождено от наказания, в связи с примирением с потерпевшим [8]. Идентичное решение было принято в Ковровском городском суде [9].

Из вышеприведённой практики следует, что суд считает правомерным устоявшуюся и закреплённую Верховным Судом РФ практику вменения кражи с банковского счёта, если предметом преступления стали денежные средства, находящиеся на банковском счёте, либо электронные денежные средства. При этом, исходя из фактических обстоятельств, суды зачастую снижают категорию преступления, применяют более мягкие виды наказания, поскольку степень общественной опасности деяний, например, оплаты товаров с использованием чужой банковской карты, не соответствует тяжкому преступлению.

При этом имеется исключение из правил. Например, Орджоникидзевский районный суд города Магнитогорска Челябинской области рассмотрел

уголовное дело в отношении ФИО1, совершившего кражу денежных средств с банковского счёта при следующих обстоятельствах: к ФИО1 обратился ранее незнакомый мужчина, находившийся в состоянии алкогольного опьянения, с просьбой приобрести для него спиртное. Для оплаты спиртного мужчина передал ФИО1 банковскую карту, сообщил ему пин-код карты. ФИО1 пришел в магазин «Связной», где, используя банковскую карту, совершил операцию по оплате смартфона на общую сумму 16 289 рублей. Суд переквалифицировал действия ФИО1 с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Аргументируя позицию, суд указал, что кража денежных средств с банковского счета может иметь место в случае хищения путем их неправомерного перевода и зачисления на банковский счет получателя, использования удаленного доступа к банковскому счету при помощи специальных технических средств, путем перехвата информации с пластиковых карт, целенаправленного воздействия программных средств на серверы, компьютеры и т.п., которое совершается в целях хищения и нарушает установленный процесс обработки, хранения и передачи компьютерной информации [10].

Устоявшаяся практика разнится с первоначальными представлениями и замыслами законодателей: по их мнению, факторами, создающими повышенную общественную опасность, являются долгое приготовление к преступлению, использование специальных знаний для осуществления хакерской атаки либо манипуляции путём социальной инженерии.

Полагаем, данная ситуация могла сложиться из-за того, что квалифицирующий признак характеризует предмет преступления, но не способ его совершения. Поэтому в нынешней формулировке правоприменитель может игнорировать способ совершения преступления и вменять данный признак при совершении безналичных расчётов. Таким образом, необходимо внести изменение в уголовный закон для приведения к тождеству позиции законодателя и правоприменителя.

Е.А. Маркова считает, что допустимо обособить кражу с банковского счёта, а равно в отношении электронных денежных средств в качестве отдельной нормы, выделив в ней преступления небольшой и средней тяжести [4, с. 87]. На наш взгляд, в подобном изменении нет необходимости, поскольку особенности факультативных признаков объекта и объективной стороны преступления не выходят за рамки состава ст. 158 УК РФ.

В данном контексте достойно внимания законодательное решение Республики Казахстан. П. 4 ч. 2 ст. 188 УК Республики Казахстан (далее – «УК РК») содержит такой квалифицирующий признак, как кража, совершенная путем незаконного доступа в информационную систему либо изменения информации, передаваемой по сетям телекоммуникаций [11]. В отличие от УК РФ, в котором указывается предмет посягательства, УК РК конкретизирует способ совершения преступления, однако не иллюстрирует предмет. Е.Ю. Антонова и А.К. Клименко отмечают, что законодатель Республики Казахстан косвенно отсылает к предмету в виде безналичных и электронных денежных средств путём фиксации способов и средств осуществления хищения, а также конкретизации места их хранения – «на счёте потерпевшего» [1, с. 72].

Полагаем, решением станет внесение поправки в п. «г» ч. 3 ст. 158 со следующим содержанием: «кража, с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств, совершённая при помощи специальных знаний», так как в ней будет отражён и предмет преступного посягательства, и способ совершения преступления, отражающие всю общественную опасность данного деяния.

Библиографический список использованных источников

1. Антонова Е.Ю., Клименко А.К. Уголовная ответственность за хищения безналичных и электронных денежных средств по уголовному законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 1 (96). – С. 70-76.

2. Безнал без карт, или Как меняются предпочтения граждан: статистика Банка России. Текст электронный // <https://cbr.ru/>: официальный сайт. 2025. URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=24693> (дата обращения: 27.04.2026).
3. Законопроект № 186266-7 О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации // <https://sozd.duma.gov.ru/>: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/186266-7> (дата обращения: 27.04.2026).
4. Маркова Е.А. К вопросу о квалификации хищения с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (в генезисе) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. – № 3. – С. 83-89.
5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2022. – № 2. – п. 56-68.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2; 2023. – № 3.
7. Приговор Анапского районного суда Краснодарского края от 29 октября 2025 г. по уголовному делу № 1-139/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ZptBIDQ2uqLw/> (дата обращения: 29.04.2026).
8. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 29 октября 2025 г. по уголовному делу № 1-997/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/bI5dgPljtmWa/> (дата обращения: 29.04.2026).
9. Приговор Ковровского городского суда от 29 октября 2025 г. по уголовному делу № 1-329/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UgrNaaozJPYs/> (дата обращения: 29.04.2026).
10. Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 26 августа 2019 г. по уголовному делу № 1-558/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7EsbWwFSidYC/> (дата обращения: 29.04.2026).

11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. по состоянию на 08.03.2026 г.) Текст электронный // <https://prg.kz/>: официальный сайт. 2026. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 29.04.2026).

12. ЦБ: объем средств россиян в банках впервые в истории достиг ₽67 трлн. Текст электронный // <https://www.rbc.ru/>: официальный сайт. 2026. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6981a4ac9a79478ac3d08747> (дата обращения: 27.04.2026).

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343

НАРУШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ПОСТРАДАВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ХОДЕ ПРОВЕРОК СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ПОРЯДКЕ СТ. 144 УПК РФ

Фалько Александр Андреевич,

студент 4 курса

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (ТулГУ),

г. Тула, Россия,

the.falcooo@gmail.com

Научный руководитель:

Алексеев Алексей Васильевич,

ст. преподаватель каф. ПиПД,

ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» (ТулГУ),

г. Тула, Россия

Аннотация: в статье анализируются нарушения, связанные с процессуальными сроками на стадии досудебного производства, предусмотренные ст. 144 УПК РФ. Рассматриваются незаконные отказы в возбуждении уголовного дела и необоснованные передачи сообщений по подследственности или территориальности. Делается вывод о том, что нарушение сроков процессуальной проверки является видом нарушения конституционных прав.

Ключевые слова: досудебное производство, конституционные права потерпевших, подследственность, сроки, уголовный процесс.

**VIOLATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CRIME VICTIMS
DURING INVESTIGATIONS OF CRIME REPORTS UNDER ART. 144 OF
THE CPC RF**

Falko Alexander Andreevich,

fourth-year student,

Tula State University (TSU),

Tula, Russia,

the.falcooo@gmail.com

Academic Supervisor:

Alekseev Aleksey Vasilyevich,

Senior Lecturer,

Department of Pedagogical and Pedagogical Studies,

Tula State University (TSU),

Tula, Russia

Annotation: the article analyzes violations related to procedural deadlines at the stage of pre-trial proceedings under art. 144 of the CPC RF. It examines unlawful refusals to initiate a criminal case and unjustified transfers of crime reports based on investigative jurisdiction or territoriality. The conclusion is drawn that the violation of procedural review deadlines is a form of violation of constitutional rights.

Keywords: pre-trial proceedings, constitutional rights of victims, investigative jurisdiction, deadlines, criminal procedure.

Конституция Российской Федерации гарантирует охрану законом прав потерпевших от преступлений и обеспечение потерпевшим доступа к правосудию [2].

Важнейшим элементом обеспечения прав потерпевших от преступлений являются процедуры, установленные Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

Составной частью уголовного процесса России является проверка сообщения о преступлении в порядке статьи 144 УПК РФ («доследственная проверка») [6]. В нее входят такие элементы, как поступление сообщения о преступлении, регистрация, рассмотрение и принятие законного и обоснованного решения. В ходе данной проверки устанавливается наличие или отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела. Принятие решения о возбуждении уголовного дела влечет за собой ряд правоустанавливающих последствий: признание деяния, о котором поступило сообщение, содержащим признаки преступления; запуск процедуры предварительного расследования, предусматривающей возможность для правоприменителей использовать в полном объеме «инструменты» для сбора доказательств. А самое важное — с этого момента пострадавший от преступления получает гарантированный Конституцией доступ к правосудию. Пострадавший должен быть признан потерпевшим.

Но, несмотря на конституционную значимость указанных положений, ряд должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих проверки в порядке статьи 144 УПК РФ, нарушают гарантированные права потерпевших.

Генеральный прокурор РФ А.В. Гуцан в выступлении на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 19 марта 2026 года, заявил: «...По тысячам материалов доследственных проверок годами не принимаются законные решения, даже при наличии достаточных данных о совершенном преступлении...» [5]

По материалам прокуратуры Тульской области за 2025 год из более 24 тысяч нарушений, допущенных правоохранительными органами области на досудебной стадии уголовного судопроизводства, — 17 тысяч (69,7%) составляют нарушения, допущенные при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении [1].

Одним из основных видов нарушения прав и свобод пострадавших от преступлений является незаконное и необоснованное вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела после истечения сроков

«доследственной» проверки. Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа обязаны принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах компетенции, установленной УПК РФ, принять по нему решение в срок не позднее 3 суток со дня поступления указанного сообщения. Согласно ч. 3 ст. 144 УПК РФ руководитель следственного органа, начальник органа дознания вправе по мотивированному ходатайству соответственно следователя, дознавателя продлить до 10 суток срок, установленный ч. 1 ст. 144 УПК РФ. При необходимости производства документальных проверок, ревизий, судебных экспертиз, исследований документов, предметов, трупов, а также проведения оперативно-розыскных мероприятий руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления.

После прохождения регистрации сообщения о преступлении идет его рассмотрение конкретным должностным лицом, которому оно поручено. При рассмотрении сообщения по объективным и субъективным причинам не всегда удается провести все необходимые и возможные процессуальные действия полностью, поэтому возникает необходимость продления срока рассмотрения сообщения о преступлении. В большинстве случаев вышестоящие должностные лица удовлетворяют такое ходатайство. Но по истечении предельного, продленного срока, должностное лицо, проводящее проверку, в некоторых случаях выносит незаконное и необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Такая ситуация очень распространена при проверке сообщений о преступлениях в сфере компьютерной информации, в частности по ст. 272 УК РФ. Территориальные органы МВД не усматривают по ряду сообщений достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Выносят постановления об отказе в возбуждении уголовных дел. Прокурор, осуществляя надзор, изучив процессуальное решение и выявив необоснованность и (или)

незаконность отказа в возбуждении уголовного дела, отменяет его и направляет соответствующее постановление начальнику органа дознания со своими указаниями, устанавливая срок их исполнения. Признав отказ руководителя следственного органа, следователя в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, прокурор в срок не позднее 5 суток с момента получения материалов проверки сообщения о преступлении отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительной проверке, которое вместе с указанными материалами незамедлительно направляет руководителю следственного органа. Однако и после дополнительной проверки вновь может быть отказано в возбуждении уголовного дела. И этот процесс может длиться несколько месяцев, создавая препятствие к доступу к правосудию пострадавших от преступления.

Второй вид нарушений связан с незаконной и необоснованной передачей сообщения по подследственности или по территориальности. Согласно ч. 1 ст. 145 УПК РФ по результатам рассмотрения сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа могут принять решение о передаче сообщения по подследственности в соответствии со статьей 151 УПК РФ, а по уголовным делам частного обвинения — в суд в соответствии с частью второй статьи 20 УПК РФ.

Типичным примером нарушений при принятии решения о передаче сообщения по территориальности может служить следующий случай из практики. В отношении лица было совершено общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 159 УК РФ. Способ совершения преступления — с помощью средств мобильной связи. Жертве позвонили и путем обмана вынудили перевести средства на неизвестный банковский счет. Само событие, по словам жертвы при первичном объяснении, было в районе, который обслуживает определенный территориальный орган МВД России, поэтому заявление было зарегистрировано по месту подачи. Через некоторое время, в

процессе рассмотрения сообщения, от пострадавшей было отобрано дополнительное объяснение, в котором она указала, что мошеннические действия в отношении нее были совершены, когда она передвигалась из одного района в другой. На основании данного объяснения появилось процессуальное решение о передаче материала по территориальной подследственности. Это решение привело к спору, который пришлось разрешать прокурору. Действия должностных лиц правоохранительных органов привели к волоките и грубому нарушению прав потерпевшей.

Принятие незаконных решений о передаче сообщения по подследственности приводит к волоките, к утрате доказательственной базы, к лишним трудозатратам. В соответствии с приказом МВД России от 29.08.2014 г. N 736 "Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях" сообщение о передаче по подследственности подлежит повторной регистрации в книге учета сообщений о преступлениях [4].

В последнее годы количество подобных ситуаций уменьшилось. Генеральной прокуратурой РФ и МВД РФ от 8 февраля 2022 года было издано информационное письмо № 36-49-22/1/1322 «О практике рассмотрения сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и об иных проблемных вопросах» [3]. Следственными органами МВД РФ предложено проводить проверку по сообщениям о преступлениях, предусмотренных статьями 158, 159-159.3, 159.5, 159.6, 163 УК РФ, совершенных с использованием платежных карт, средств мобильной связи, информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и иными дистанционными способами, территориально по месту их первичной регистрации.

Таким образом, вынесение незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела вследствие истечения сроков проверки; незаконные и необоснованные решения о направлении сообщения по подследственности остаются распространенным видом нарушений конституционных гарантий пострадавших от преступлений. Необходимы научно-обоснованные рекомендации по предупреждению и пресечению указанных нарушений.

Библиографический список использованных источников

1. В прокуратуре области обсудили состояние законности при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия // Прокуратура Тульской области: официальный сайт. — 30.05.2025. — URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_71/mass-media/events-and-meetings/e7705950/ (дата обращения: 29.05.2026).
2. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993] (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) — // КонсультантПлюс.
3. О практике рассмотрения сообщений о преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, и об иных проблемных вопросах: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 8 февр. 2022 г. № 36-49-22/1/1322.
4. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях: приказ МВД России от 29.08.2014 № 736.
5. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры: стенограмма // Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/79360> (дата обращения: 30.05.2026).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) — // КонсультантПлюс.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

УДК 34

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ, ЕГО ОСОБЕННОСТИ И НЕДОСТАТКИ

Горбачев Андрей Владиславович,

студент 2 курса

ГКОУ ВО РТА

г. Люберцы, Россия,

andreygorbachev641@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается цифровой рубль как новая форма национальной валюты РФ. Анализируются нормативно-правовая база, порядок внедрения, особенности использования, а также преимущества и недостатки, связанные с инфляционными рисками, кибер-угрозами, изменением роли банков и цифровой грамотностью населения. Подчёркивается необходимость поэтапного, сбалансированного внедрения цифрового рубля.

Ключевые слова: Банк России, денежные средства, кибер-угрозы, нормативно-правовая база, платформа цифрового рубля, форма денег, цифровой рубль.

LEGAL STATUS OF THE DIGITAL RUBLE, ITS FEATURES AND DISADVANTAGES

Gorbachev Andrey Vladislavovich,

2nd year student

Abstract: The article examines the digital ruble as a new form of the national currency of the Russian Federation. It analyzes the legal framework, the procedure for implementation, the features of use, as well as the advantages and disadvantages associated with inflationary risks, cyber threats, changes in the role of banks, and digital literacy among the population. The article emphasizes the need for a gradual and balanced introduction of the digital ruble.

Keywords: Bank of Russia, cash, cyber threats, legal framework, digital ruble platform, form of money, digital ruble.

Цифровой рубль – это денежная единица РФ в цифровой форме, представляющая собой уникальный электронный код. Он выпускается Банком России и хранится на специальной платформе, управляемой ЦБ РФ. Один цифровой рубль равен одному наличному и одному безналичному рублю. Эмитентом выступает Банк России, который также является оператором платформы цифрового рубля.

Банки в этой системе выступают посредниками: через их приложения организации и физлица получают доступ к своему цифровому кошельку и проводят операции.

Базовый закон о правовой модели цифрового рубля – Федеральный закон от 24 июля 2023 года №340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3]. Он внёс изменения в Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 10 июля 2002 года №86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и Федеральный закон от 27 июня 2011 года №161-ФЗ «О национальной платёжной системе». Эти изменения закрепили цифровой рубль как часть системы денежного обращения,

определили роль Банка России как эмитента и оператора платформы, а также установили базовые ограничения (например, невозможность использования цифровых рублей как вклада или депозитного инструмента).

Федеральный закон от 31 июля 2025 года №303-ФЗ касается использования цифрового рубля в бюджетном процессе [2]. Он вводит правила использования счёта цифрового рубля Федерального казначейства и порядок расчётов в цифровых рублях в рамках казначейского исполнения.

Массовое внедрение цифрового рубля проходит поэтапно:

С 1 сентября 2026 года обязанность обеспечить возможность операций с цифровыми рублями возникает у крупнейших банков, а также у торговых компаний и ИП, которые являются клиентами таких банков и имеют выручку за предыдущий год свыше 120 млн рублей.

С 1 сентября 2027 года подключаются банки с универсальной лицензией и их клиенты-продавцы с выручкой свыше 30 млн рублей.

С 1 сентября 2028 года очередь доходит до остальных банков и продавцов с выручкой от 20 до 30 млн рублей (и в целом оставшихся категорий в рамках закона).

Исключения предусмотрены для торговых точек с выручкой менее 5 млн рублей за предшествующий год, а также для точек, работающих там, где нет интернета.

Одна из ключевых особенностей – добровольный характер использования для граждан: человек сам выбирает, какой формой рубля пользоваться – наличной, безналичной или цифровой. Никакого обязательного перевода всех расчётов в цифровой рубль для населения не установлено.

Не является депозитным инструментом. На остаток цифрового кошелька не начисляются проценты, открыть вклад в цифровых рублях нельзя. Это только средство платежа, а не инструмент для накопления или инвестиций.

Операции осуществляются исключительно в рамках платформы цифрового рубля. Переводы цифровых рублей возможны только через эту

платформу. Доступ к цифровому кошельку можно получить через мобильное приложение любого банка, подключённого к системе.

Прозрачность операций. Все транзакции фиксируются в платформе Банка России, что повышает прозрачность расчётов. У каждой единицы есть уникальный код, как у бумажной банкноты – свой номер. Это позволяет отслеживать движение денег от источника до конечного получателя, что особенно важно в сфере госконтрактов, субсидий и бюджетных выплат.

Возможность офлайн-платежей. В перспективе планируется использование цифровых рублей через Bluetooth или NFC при отсутствии интернета. Данные об операции будут синхронизироваться с платформой при восстановлении связи.

Защита от мошенничества. Операции с цифровым рублём защищены с помощью современных криптографических технологий – электронных подписей и шифрования данных. Даже если пользователь потеряет устройство, его цифровые рубли не пропадут, так как они хранятся на серверах ЦБ, а не внутри смартфона. Достаточно заблокировать доступ через банк и восстановить его на новом устройстве после проверки личности.

Совместимость с универсальным QR-кодом. Это позволяет выбирать способ оплаты (включая цифровой рубль) через единый код. [1]

Несмотря на существенные преимущества, внедрение цифрового рубля сопряжено с рядом вызовов и недостатков.

Прежде всего стоит отметить, что цифровой рубль потенциально расширяет возможности эмиссии денежных средств, что при отсутствии жёсткого контроля может спровоцировать рост денежной массы в обращении. Неограниченная эмиссия цифровых рублей способна привести к увеличению инфляционного давления на экономику страны, дестабилизировать ценовую стабильность и снизить покупательную способность национальной валюты. Это требует от Банка России выработки чётких правил и лимитов эмиссии цифрового рубля с учётом макроэкономических показателей.

Серьёзную угрозу представляет уязвимость системы к киберугрозам. В современном мире кибератаки и информационные угрозы остаются существенным фактором риска, а финансовая система становится особенно уязвимой. В случае взлома или серьёзного сбоя инфраструктуры, на которой базируется платформа цифрового рубля, могут пострадать не только отдельные участники рынка, но и вся финансовая система Российской Федерации.

Возникает также вопрос экономической целесообразности внедрения новой формы денег. Существует вероятность, что цифровой рубль не принесёт существенного улучшения платёжной системы по сравнению с уже существующими формами денег. Безналичная форма расчётов уже обеспечивает электронные платежи, возможность размещения средств на депозитах с начислением процентов, доступ к кредитным продуктам, интеграцию с различными платёжными сервисами. В отличие от этого, цифровой рубль выполняет исключительно платёжную функцию — на остаток средств проценты не начисляются, открыть вклад или получить кредит в цифровых рублях нельзя. Это снижает его привлекательность как инструмента управления финансами для граждан и бизнеса.

Массовое использование цифрового рубля может спровоцировать перераспределение денежных средств из депозитов банков в цифровые кошельки, контролируемые Банком России. Это может привести к сокращению ресурсной базы коммерческих банков, уменьшению объёмов кредитования, росту процентных ставок, снижению конкурентоспособности банковских продуктов, изменению роли банков в финансовой системе — они могут превратиться в посредников между ЦБ РФ и конечными пользователями.

Наконец, внедрение цифровой валюты может столкнуться с проблемой низкой цифровой грамотности определённых категорий граждан, особенно пожилого возраста. Для успешного внедрения цифрового рубля среди этой группы населения потребуется реализация комплекса мер, включающих образовательные программы по основам цифровой финансовой грамотности,

разработку понятного интерфейса мобильного приложения, организацию консультационной поддержки в отделениях банков. [4]

Хотелось бы также отметить исследование, проведенное РБК весной 2023 года. Данные демонстрируют умеренный уровень готовности населения к использованию новой формы валюты: около 28,4 % россиян готовы опробовать цифровой рубль, тогда как 31,5 % выражают нежелание его применять. Значительная доля респондентов (19,8 %) затрудняется с ответом, а 20,3 % не осведомлены о самой концепции цифрового рубля. Это указывает на необходимость масштабной информационно-просветительской работы среди населения. Потенциальный спрос на цифровой рубль может быть обеспечен за счёт высокого уровня развития финтеха в России, интереса потребителей к инновационным финансовым продуктам, стремления к удобным способам оплаты без использования платёжных карт.

Вместе с тем К. Бородулин подчёркивает, что интеграция цифрового рубля в сложившуюся систему расчётов — длительный процесс, требующий существенной перестройки множества операционных и технологических процессов. Полноценная интеграция ожидается не ранее чем через два года. [1]

Таким образом, успешность внедрения цифрового рубля будет определяться комплексом факторов: повышением информированности граждан, качеством клиентского опыта в рамках пилотных проектов, совершенствованием технологической инфраструктуры и адаптацией нормативно-правовой базы. Ключевое значение имеет поэтапный подход, позволяющий минимизировать риски и обеспечить плавную интеграцию новой формы национальной валюты в финансовую систему страны.

Библиографический список использованных источников

1. РБК Тренды. Что такое цифровой рубль, когда введут в России и для чего он нужен // [Электронный ресурс] URL:

<https://companies.rbc.ru/news/ECXAfBNCTB/tsifrovoj-rubl-chto-eto-takoe-i-kak-im-polzovatsya/>

2. Федеральный закон от 31.07.2025 N 303-ФЗ "О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации" // [Электронный ресурс] URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_511106/

3. Федеральный закон "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 24.07.2023 N 340-ФЗ (последняя редакция) //

[Электронный ресурс] URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/

4. Чижик А.А., Сухина Н.Ю. Преимущества и недостатки внедрения цифрового рубля в России / А.А. Чижик, Н.Ю. Сухих // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 8(74). 2023. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-i-nedostatki-vnedreniya-tsifrovogo-rublya-v-rossii/viewer>

Сфера науки. 2026. Том 1. №6.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

Том 1. №6

Июнь 2026 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2026